Н. В. ТУЛУПОВЪ.

Л. Н. Толстой,

какъ педагогъ.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Л. Н. ТОЛСТОЙ,

какъ педагогъ.

PG 3415
.E4
T8

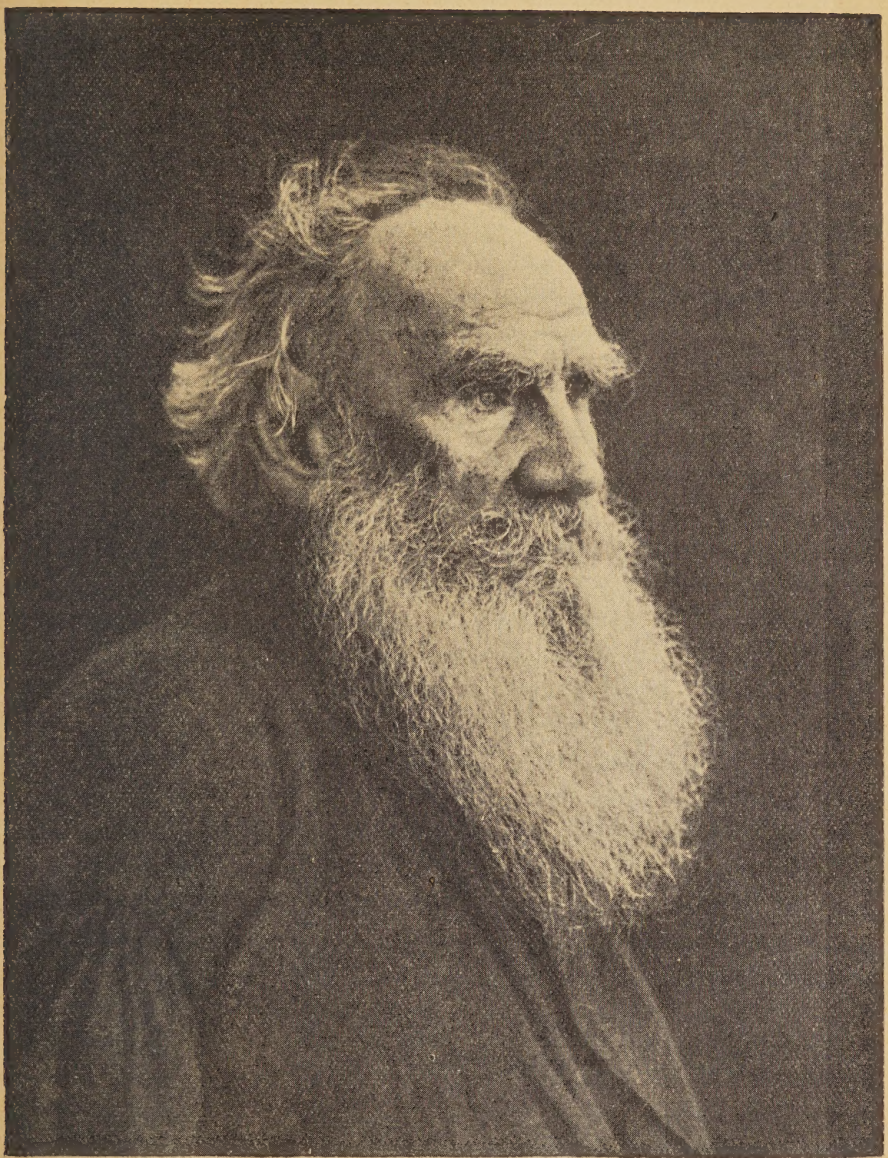
Н. В. Тулуповъ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ,

КАКЪ ПЕДАГОГЪ.

Весь авторскій гонораръ отъ настоящаго изданія поступаетъ въ фондъ на учрежденіе дѣтской библіотеки-читальни имени Л. Н. ТОЛСТОГО въ Учительскомъ Домѣ Общества взаимной помощи при Московскомъ Учительскомъ Институтѣ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
МОСКВА.—1911.



Левъ Николаевичъ Толстой.

I.

Среди богатой, до безконечности разнообразной духовной дѣятельности Толстого, работа его, какъ педагога, занимаетъ видное мѣсто. Въ 1848 году, т.-е. гораздо раньше, чѣмъ появилось въ свѣтъ первое его литературное произведеніе, онъ уже проявлялъ заботу объ устройствѣ школъ въ своей мѣстности. Послѣдняя его статья о воспитаніи—«Въ чемъ главная задача учителя»—датирована сентябремъ 1909 года. На протяженіи слишкомъ 60 лѣтъ, съ перерывами и въ разныхъ формахъ, то какъ рядовой школьный учитель, то какъ педагогъ-публицистъ, то какъ редакторъ педагогическаго журнала, то какъ составитель азбуки и книгъ для чтенія, то какъ педагогъ-мыслитель, работаетъ Толстой въ интересахъ школы и подрастающаго поколѣнія. Вездѣ и всегда проявляется онъ своеобразно, всюду видна оригинальность взгляда, вдумчивость, серьезность, онъ не просто работаетъ—онъ служитъ дѣлу, вкладываетъ въ него душу, стараясь проникнуть всегда въ самую сущность вопроса. Онъ часто идетъ въ разрѣзъ съ господствующими взглядами и установившимися пріемами. И это понятно: геніальный мыслитель идетъ своей дорогой, прокладываетъ новые пути, по которымъ уже пойдутъ другіе. Развѣ современники не останавливались въ недоумѣніи передъ яснополянской школой, съ ея своеобразнымъ укладомъ, съ той свободой и непринужденностью, которыя царили тамъ? Развѣ не высказывались недоумѣнія, когда Толстой утверждалъ, что мы должны учиться у крестьянскихъ ребятъ, прежде чѣмъ взяться за ихъ обученіе? И вотъ понадобилось почти 50 лѣтъ, чтобы мы пришли къ сознанію необходимости *свободной* школы, чтобы *наблюденіе* и *опытъ* были положены

въ основу при рѣшеніи вопроса, чему и какъ учить ребенка. Такъ смѣлый реформаторъ намѣчаетъ новые пути, и нужно смѣниться не одному поколѣнію, чтобы люди признали эти пути и пошли по нимъ.

И Толстой предвидѣлъ это, онъ предвидѣлъ, что понадобится долгій промежутокъ времени, прежде чѣмъ идеи его войдутъ въ жизнь и люди признаютъ ученіе его за истину. Въ статьѣ «О воспитаніи и образованіи» онъ говоритъ: «Едва ли еще черезъ сто лѣтъ мысль, которую я, можетъ-быть, неясно, неловко, неубѣдительно выражаю, сдѣлается общимъ достояніемъ; едва ли черезъ сто лѣтъ отживутъ всѣ готовыя заведенія: училища, гимназіи, университеты и вырастутъ свободно сложившіяся заведенія, имѣющія своимъ основаніемъ свободу учащагося поколѣнія».

Рѣшивъ приняться за обученіе дѣтей въ яснополянской школѣ, Толстой ѣдетъ за границу и тамъ, въ Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи, изучаетъ школьное дѣло. Заграничная поѣздка обогатила его теоретическими и практическими свѣдѣніями. Но развѣ въ своей школѣ потомъ копировалъ онъ нѣмцевъ и французовъ? Нѣтъ, онъ шелъ своимъ путемъ. Онъ создалъ школу совершенно своеобразную, *толстовскую*, въ основу которой были положены *свобода*, *отсутствіе принужденія и наказаній*. «Единственная основа образованія, — пишетъ онъ нѣсколько позже своихъ опытовъ въ школѣ,—есть свобода,—свобода народа устраивать свои собственныя школы, свобода для учениковъ выбирать, чему и какъ имъ учиться. И только *опытъ* можетъ указать наилучшій методъ преподаванія, устанавливая наиболѣе естественное отношеніе между учителемъ и ученикомъ». «Мы знаемъ,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—что основныя убѣжденія наши въ томъ, что единственный методъ образованія есть опытъ, и единственный критеріумъ его есть свобода, для однихъ прозвучитъ избитою пошлостью, для другихъ—неясною отвлеченностью, для третьихъ—мечтою и невозможностью. Мы бы не дерзнули нарушать спокойствіе педагоговъ-теоретиковъ и высказать столь противныя всему свѣту убѣжденія, ежели бы должны были ограничиться разсужденіями этой статьи («О народномъ образованіи»), но мы чувствуемъ возможность шагъ за шагомъ и фактъ за фактомъ

доказать приложимость и законность нашихъ столь дикихъ убѣжденій».

Уваженіе личности ребенка у Толстого соединялось съ безграничной *дѣятельной* любовью къ дѣтямъ. Мы особенно подчеркиваемъ слово *дѣятельной*: великій мыслитель не ограничивался одною лишь проповѣдью любви къ дѣтямъ, но всегда сопровождалъ ее дѣломъ. Его работы въ яснополянской школѣ, его бесѣды съ дѣтьми, прогулки, его постоянное общеніе съ деревенской дѣтворой говорятъ за то, какъ высоко ставилъ онъ міръ дѣтей, которыхъ не разъ въ шутку и серьезно называлъ *своими учителями*. «Если бы мнѣ дали выбирать: населить землю такими святыми, какихъ я только могу вообразить себѣ, но только чтобы не было дѣтей, или такими людьми, какъ теперь, но съ постоянно прибывающими свѣжими отъ Бога дѣтьми, — я бы выбралъ послѣднее», — вотъ слова, которыми самъ Толстой опредѣлилъ свое отношеніе къ дѣтямъ. Читая и перечитывая очерки яснополянской школы, поражаешься, какой любовью, какою нѣжностью къ дѣтямъ дышитъ каждая строка ихъ! Какъ поэтизируетъ великій художникъ эту непосредственную, воспріимчивую среду крестьянскихъ ребятъ! Трудно оторваться отъ этихъ дивныхъ страницъ.

Вотъ нѣсколько интересныхъ отрывковъ изъ этихъ очерковъ.

«Всѣ вечерніе уроки, и особенно этотъ первый, имѣютъ совершенно особенный отъ утреннихъ характеръ спокойствія, мечтательности и поэтичности. Придите въ школу сумерками; огня въ окнахъ не видно, почти тихо, только вновь натасканный снѣгъ на ступени лѣстницы, слабый гулъ и шевеленье за дверью, да какой-нибудь мальчуганъ, ухватившись за перила, черезъ двѣ ступени шагающій наверхъ по лѣстницѣ, доказываютъ, что ученики въ школѣ. Войдите въ комнату. Ужъ почти темно за замерзшими окнами; старшіе, лучшіе ученики прижаты другими къ самому учителю и, задравъ головки, смотрятъ ему прямо въ ротъ. Дворовая самостоятельная дѣвочка съ озабоченнымъ лицомъ сидитъ всегда на высокомъ столѣ,— такъ и кажется, каждое слово глотаетъ; поплоше ребята, мелкота сидятъ подальше; они слушаютъ внимательно, даже сердито, они держатъ себя такъ же, какъ и большіе, но,

несмотря на все вниманіе, мы знаемъ, что они ничего не разскажутъ, хотя и многое запомнятъ. Кто навалился на плечи другому, кто вовсе стоитъ на столѣ. Рѣдко кто, втиснувшись въ самую середину толпы, за чью-нибудь спиной занимается выписываніемъ ногтемъ какихъ-нибудь фигуръ на этой спинѣ. Рѣдко кто оглянется на васъ. Когда идетъ новый разсказъ, всѣ замерли, слушаютъ; когда повтореніе, тутъ и тамъ раздаются самолюбивые голоса, не могущіе выдержать, чтобы не подсказать учителю. Впрочемъ, и старую исторію, которую любятъ, они просятъ учителя повторить всю своими словами и не позволяютъ перебивать учителя. «Ну, ты, не терпится!.. Молчи!» крикнутъ на выскочку. Имъ больно, что перебиваютъ характеръ и художественность разсказа учителя. Послѣднее время это была исторія жизни Христа. Они всякій разъ требовали разсказать ее всю. Ежели не всю имъ разсказывали, то они сами дополняли любимый конецъ — исторію отреченія Петра и страданія Спасителя. Кажется, все мертво, не шелохнется — не заснули ли? Подойдешь въ полутьмѣ, взглянешь въ лицо какому-нибудь маленькому: онъ сидитъ, впившись глазами въ учителя, сморщивши лобъ отъ вниманія, и десятый разъ отталкиваетъ съ плеча навалившуюся на него руку товарища. Вы щекочете его за шею, онъ даже не улыбается, согнетъ головку, какъ будто отгоняясь отъ мухи, и опять весь отдается таинственному и поэтическому разсказу: какъ сама разорвалась церковная завѣса и темно сдѣлалось на землѣ—ему и жутко и хорошо. Но вотъ учитель кончилъ разсказывать, и всѣ поднимаются съ мѣста и, толпясь къ учителю, перекрикивая одинъ другого, стараются пересказать все, что удержано ими. Крикъ поднимается страшный, и учитель насилу можетъ слѣдить за всѣми. Тѣ, которымъ запретили говорить, въ увѣренности, что они знаютъ, не успокаиваются этимъ: они приступаютъ къ другому учителю, ежели его нѣтъ—къ товарищу, къ постороннему, къ истопнику даже, ходятъ изъ угла въ уголъ подвое, потрое, прося каждаго ихъ послушать. Рѣдко кто разсказываетъ одинъ. Они сами отбираются группами, равными по силамъ, и разсказываютъ, поощряя, поджидая и поправляя одинъ другого: «Ну, давай съ тобой», говоритъ одинъ другому; но тотъ, къ кому обращаются, знаетъ, что

онъ ему не по силамъ, и отсылаетъ его къ другому. Какъ только повысказались, успокоились, приносятъ свѣчи, и уже другое настроеніе находитъ на мальчиковъ».

Какая чудная, полная глубокаго пониманія дѣтской души картина! А вотъ другая, — также полная и глубокаго пониманія души ребенка, и поэтическаго умиленія, и какой-то особой, задушевной нѣжности, которой были проникнуты отношенія великаго учителя человѣчества къ этимъ «малымъ симъ».

«Внѣ училища, несмотря на всю свободу его, на воздухѣ, между учениками и учителемъ устанавливаются новыя отношенія большей свободы, большей простоты и большаго довѣрія,—тѣ самыя отношенія, которыя представляются намъ идеаломъ того, къ чему должна стремиться школа.

«Недавно мы въ первомъ классѣ читали «Вія» Гоголя; послѣднія сцены подѣйствовали сильно и раздражили ихъ воображеніе — нѣкоторые въ лицахъ представляли вѣдьму и все вспоминали послѣднюю ночь. На дворѣ было не холодно— зимняя безмѣсячная ночь съ тучами на небѣ. На перекресткѣ мы остановились; старшіе, трехлѣтніе школьники, остановились около меня, приглашая проводить ихъ еще; маленькіе поглядѣли и закатились подъ гору. Младшіе начали учиться при новомъ учителѣ, и между мной и ими уже нѣтъ того довѣрія, какъ между мной и старшими. «Ну, такъ пойдемъ въ заказъ» (небольшой лѣсъ, шагахъ въ 200 отъ жилья), сказалъ одинъ изъ нихъ. Больше всѣхъ просилъ Ѳедька, мальчикъ лѣтъ 10, нѣжная, воспріимчивая, поэтическая и лихая натура. Опасность для него составляетъ, кажется, самое главное условіе удовольствія. Лѣтомъ всегда бывало страшно смотрѣть, какъ онъ съ другими двумя ребятами выплывалъ на самую средину пруда, саженъ въ 50 ширины, и изрѣдка пропадалъ въ жаркихъ отраженіяхъ яркаго солнца; плавалъ на глубинѣ, перевертываясь на спину, пуская струйки воды и окликая тонкимъ голоскомъ товарищей на берегу, чтобы видѣли, какой онъ молодецъ. Теперь онъ зналъ, что въ лѣсу есть волки, поэтому ему хотѣлось въ заказъ. Всѣ подхватили, и мы вчетверомъ пошли въ лѣсъ. Другой—назову его Семка—здоровенный и физически и морально малый, лѣтъ 12, прозванный Вавило, шелъ впереди и

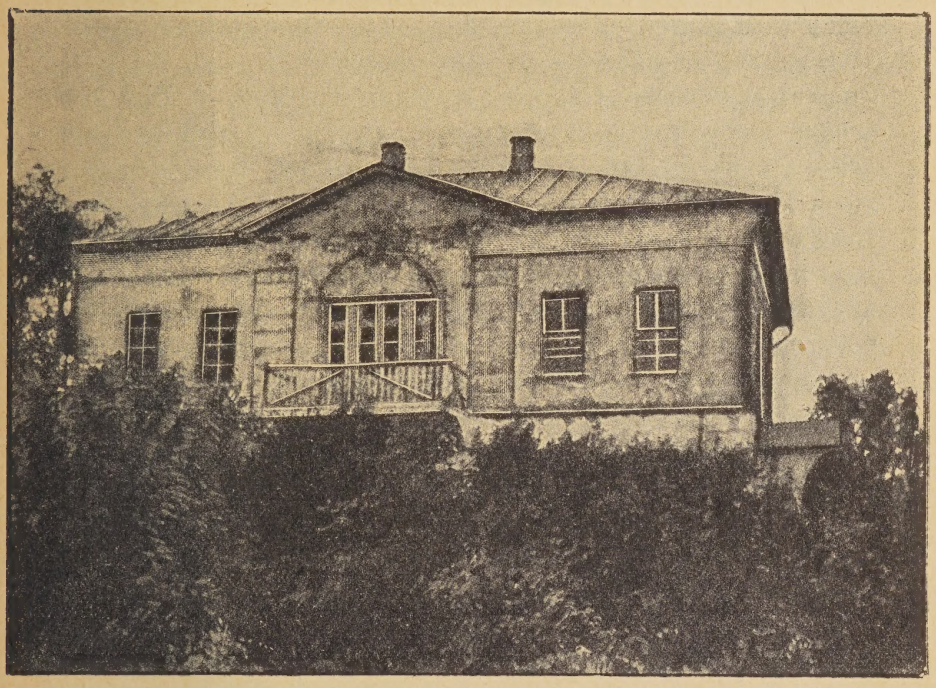
все кругомъ аукался съ кѣмъ-то заливистымъ голосомъ. Пронька—болѣзненный, кроткій и чрезвычайно даровитый мальчикъ, сынъ бѣдной семьи, болѣзненный, кажется, больше всего отъ недостатка пищи—шелъ рядомъ со мной. Ѳедька шелъ между мной и Семкой и все заговаривалъ особенно мягкимъ голосомъ, то разсказывая, какъ онъ лѣтомъ стерегъ здѣсь лошадей, то говоря, что ничего не страшно, а то спрашивая, «что, ежели какой-нибудь выскочитъ?» и непремѣнно требуя, чтобы я что-нибудь сказалъ на это. Мы не вошли въ средину лѣса,—это было бы ужъ слишкомъ страшно, но и около лѣса стало темнѣе: дорожка чуть виднѣлась, огни деревни скрылись изъ виду.

«Семка остановился и сталъ прислушиваться. «Стой, ребята! Что такое?» вдругъ сказалъ онъ. Мы замолкли, но ничего не было слышно; все-таки страху еще прибавилось. «Ну, что же мы станемъ дѣлать, какъ онъ выскочитъ... да за нами?» спросилъ Ѳедька. Мы разговорились о кавказскихъ разбойникахъ. Они вспомнили кавказскую исторію, которую я имъ разсказывалъ давно, и я сталъ опять разсказывать объ абрекахъ, о казакахъ, о Хаджи-Муратѣ. Семка шелъ впереди, широко ступая своими большими сапогами и мѣрно раскачивая здоровою спиной. Пронька попытался было итти рядомъ со мной, но Ѳедька сбилъ его съ дорожки, и Пронька, должно-быть, по своей бѣдности всегда всѣмъ покоряющійся, только въ самыхъ интересныхъ мѣстахъ забѣгалъ сбоку, хотя и по колѣно утопая въ снѣгу.

«Всякій замѣчалъ, кто знаетъ крестьянскихъ дѣтей, что они не привыкли и терпѣть не могутъ всякихъ ласкъ—нѣжныхъ словъ, поцѣлуевъ, троганій рукою и т. п. Мнѣ случалось видѣть, какъ дама въ крестьянской школѣ, желая обласкать мальчика, скажетъ: «Ну, ужъ я тебя поцѣлую, милашка!» и поцѣлуетъ, и какъ этотъ поцѣлованный мальчикъ стыдится, обижается и недоумѣваетъ, за что именно это съ нимъ сдѣлали; мальчикъ лѣтъ пяти становится уже выше этихъ ласканій—онъ ужъ малый.

«Потому-то меня особенно поразило, когда Ѳедька, шедшій рядомъ со мной, въ самомъ страшномъ мѣстѣ разсказа вдругъ дотронулся до меня слегка рукавомъ, потомъ всею рукой ухватилъ меня за два пальца и уже не выпускалъ

ихъ. Только что я замолкалъ, Ѳедька уже требовалъ, чтобы я говорилъ еще, и такимъ умоляющимъ и взволнованнымъ голосомъ, что нельзя было не исполнить его желанія. «Ну, ты, суйся подъ ноги!» сказалъ онъ разъ сердито Пронькѣ, забѣжавшему впередъ: онъ былъ увлеченъ до жестокости,— ему было такъ жутко и хорошо, держась за мой палецъ, и



Домъ въ Ясной Полянѣ, гдѣ помѣщалась школа.

никто не долженъ былъ смѣть нарушать его удовольствіе. «Ну, еще, еще! Вотъ хорошо-то!» Мы прошли лѣсъ и стали съ другого конца подходить къ деревнѣ. «Пойдемъ еще,— заговорили всѣ, когда уже стали видны огни,— еще пройдемся». Мы молча шли, кое-гдѣ проваливались по рыхлой, плохо наѣзженной дорожкѣ; бѣлая темнота какъ будто качалась передъ глазами; тучи были низкія, какъ будто на насъ что-то наваливало ихъ; конца не было этому *бѣлому*, въ которомъ только мы одни хрустѣли по снѣгу; вѣтеръ шумѣлъ по голымъ макушкамъ осинъ, а намъ было тихо за

лѣсомъ. Я кончилъ разсказъ тѣмъ, что окруженный абрекъ запѣлъ пѣсню и потомъ самъ бросился на кинжалъ. Всѣ молчали. «Зачѣмъ же онъ пѣсню запѣлъ, когда его окружили?» спросилъ Семка. «Вѣдь тебѣ сказывали, умирать собрался!» отвѣчалъ огорченно Ѳедька. «Я думаю, что молитву онъ запѣлъ!» прибавилъ Пронька. Всѣ согласились. Ѳедька остановился вдругъ: «А какъ, вы говорили, вашу тетку зарѣзали?» спросилъ онъ,—ему мало было страховъ. «Разскажи, разскажи!» Я имъ разсказалъ еще разъ эту страшную исторію убійства графини Толстой, и они молча стояли вокругъ меня, глядя мнѣ въ лицо. «Попался молодецъ!— сказалъ Семка.— То-то страшно ему было ночью ходить, какъ она зарѣзанная лежала!—сказалъ Ѳедька.—Я бы убѣжалъ!» и онъ все дальше забиралъ себѣ въ руку мои пальцы. Мы остановились въ рощѣ, за гумнами, подъ самымъ краемъ деревни. Семка поднялъ хворостинку изъ снѣга и билъ по морозному стволу липы. Иней сыпался съ сучьевъ на шапку, и звукъ одиноко раздавался въ лѣсу. «Л. Н.,— сказалъ Ѳедька (я думалъ, онъ опять о графинѣ),—для чего учиться пѣнію? Я часто думаю, право, зачѣмъ пѣть?»

«Какъ онъ перескочилъ отъ ужаса убійства на этотъ вопросъ, Богъ его знаетъ, но по всему: по звуку голоса, по серьезности, съ которою онъ добивался отвѣта, по молчанію интереса другихъ двухъ, чувствовалась самая живая и законная связь этого вопроса съ предыдущимъ разговоромъ. Была ли эта связь въ томъ, что онъ отвѣчалъ на мое объясненіе возможности преступленія необразованіемъ (я говорилъ имъ это), или въ томъ, что онъ повѣрялъ себя, переносясь въ душу убійцы и вспоминая свое любимое дѣло (у него чудесный голосъ и огромный талантъ къ музыкѣ), или связь состояла въ томъ, что онъ чувствовалъ, что теперь время искренней бесѣды, и поднялись въ его душѣ всѣ вопросы, требующіе разрѣшенія, только вопросъ его не удивилъ никого изъ насъ. «А зачѣмъ рисованіе, зачѣмъ хорошо писать?» сказалъ я, рѣшительно не зная, какъ объяснить ему, для чего искусство. «Зачѣмъ рисовать?» повторилъ онъ задумчиво,—онъ именно спрашивалъ: «зачѣмъ искусство?» Я не смѣлъ и не умѣлъ объяснить. «Зачѣмъ рисовать?—сказалъ Семка.— Нарисуешь все, всякую вещь по ней сдѣла-

ешь!» — «Нѣтъ, это черченіе,— сказалъ Ѳедька.— А зачѣмъ фигуры рисовать?..» Здоровая натура Семки не затруднилась: «А зачѣмъ палка, зачѣмъ липа?» сказалъ онъ, все постукивая по липѣ. «Ну-да, зачѣмъ липа?» сказалъ я. «Стропила сдѣлать», отвѣчалъ Семка. «А еще лѣтомъ зачѣмъ, покуда она не срублена?»—«Да ни зачѣмъ».—«Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,— упорно допрашивалъ Ѳедька,— зачѣмъ растетъ липа?..» И мы стали говорить о томъ, что не все есть польза, а есть красота, и что искусство есть красота, и мы поняли другъ друга, и Ѳедька совсѣмъ понялъ, зачѣмъ липа растетъ и зачѣмъ пѣть. Пронька согласился съ нами, но онъ понималъ болѣе красоту нравственную — добро. Семка понималъ своимъ большимъ умомъ, но не признавалъ красоты безъ пользы. Онъ сомнѣвался, какъ это часто бываетъ съ людьми большого ума, чувствующими, что искусство есть сила, но не чувствующими въ своей душѣ потребности этой силы; онъ такъ же, какъ они, хотѣлъ умомъ прійти къ искусству и пытался зажечь въ себѣ этотъ огонь. «Будемъ пѣть завтра *Иже*—я помню свой голосъ». У него вѣрный слухъ, но нѣтъ вкуса, изящества въ пѣніи. Ѳедька же совершенно пони-

Современный видъ деревни Ясная Поляна.

малъ, что липа хороша въ листьяхъ, и лѣтомъ хорошо смотрѣть на нее, и больше ничего не надо. Пронька понималъ, что жалко ее срубить, потому что она тоже живая: «Вѣдь это все равно, что кровь, когда изъ березы сокъ пьемъ». Семка хотя и не говорилъ, но, видимо, думалъ, что мало въ ней проку, когда она трухлявая. Мнѣ странно повторить, что мы говорили тогда, но, я помню, мы переговорили, какъ мнѣ кажется, все, что сказать можно о пользѣ, о красотѣ пластической и нравственной. Мы пошли къ деревнѣ. Ѳедька все не пускалъ моей руки,— теперь, мнѣ казалось, ужъ изъ благодарности. Мы всѣ были такъ близки въ эту ночь, какъ давно уже не были. Пронька пошелъ рядомъ съ нами по широкой дорогѣ деревни. «Вишь, огонь еще у Мазановыхъ!» сказалъ онъ. «Я нынче въ классъ шелъ, Гаврюха изъ кабака ѣхалъ, — прибавилъ онъ, — пья-я-я-ный-распьяный: лошадь вся въ мылѣ, а онъ-то ее ожариваетъ!.. Я всегда жалѣю. Право! За что ее бить?» — «А надысь батя, — сказалъ Семка,—пустилъ свою лошадь изъ Тулы, она его въ сугробъ и завезла, а онъ спитъ пьяный».— «А Гаврюха такъ по глазамъ свою и хлещетъ... и такъ мнѣ жалко стало,—еще разъ сказалъ Пронька. — За что онъ ее билъ? Слѣзъ да и хлещетъ». Семка вдругъ остановился. «Наши ужъ спятъ,—сказалъ онъ, вглядываясь въ окна своей кривой черной избы.— Не пойдете еще?» — «Нѣтъ».— «Прощайте, Л. Н.!» крикнулъ онъ вдругъ и, какъ будто съ усиліемъ оторвавшись отъ насъ, рысью побѣжалъ къ дому, поднялъ щеколду и скрылся. «Такъ ты и будешь разводить насъ—сперва одного, а потомъ другого?» сказалъ Ѳедька. Мы пошли дальше. У Проньки былъ огонь; мы заглянули въ окно: мать, высокая, красивая, но изнуренная женщина, съ черными бровями и глазами, сидѣла за столомъ и чистила картошку; на срединѣ висѣла люлька, математикъ 2 класса, другой братъ Проньки, стоялъ у стола и ѣлъ картошку съ солью. Изба была черная, крошечная, грязная. «Пропасти на тебя нѣтъ!—закричала мать на Проньку.—Гдѣ былъ?» Пронька кротко и болѣзненно улыбнулся, глядя на окошко. Мать догадалась, что онъ не одинъ, и сейчасъ перемѣнила выраженіе на нехорошее, притворное выраженіе. Остался одинъ Ѳедька. «У насъ портные сидятъ, оттого свѣтъ, — сказалъ онъ своимъ смягченнымъ

голосомъ нынѣшняго вечера.— Прощай, Л. Н.», прибавилъ онъ тихо и нѣжно и началъ стучать кольцомъ въ запертую дверь. «Отоприте!» прозвучалъ его тонкій голосокъ среди зимней тишины деревни. Ему долго не отворяли. Я заглянулъ въ окно: изба была большая; съ печи и лавки виднѣлись ноги; отецъ съ портнымъ игралъ въ карты, нѣсколько мѣдныхъ денегъ лежало на столѣ. Баба, мачеха, сидѣла у свѣтца и жадно глядѣла на деньги. Портной, прожженный ерыга, молодой мужикъ, держалъ на столѣ карты, согнутыя лубкомъ, и съ торжествомъ глядѣлъ на партнера. Отецъ Ѳедьки, съ разстегнутымъ воротникомъ, весь сморщившись

Типы крестьянъ Ясной Поляны.

отъ умственнаго напряженія и досады, переминалъ карты и въ нерѣшительности сверху замахивался на нихъ своею рабочею рукой. «Отоприте!» Баба встала и пошла отпирать. «Прощайте!— еще разъ повторилъ Ѳедька.— Всегда давайте такъ ходить».

Мы намѣренно такъ долго остановились на выпискахъ изъ очерковъ ясно-полянской школы. Здѣсь, какъ въ зеркалѣ, отразилось отношеніе Толстого къ дѣтямъ, къ простымъ крестьянскимъ ребятамъ. Сколько задушевности, искренняго, неподдѣльнаго чувства къ нимъ! Какое глубокое пониманіе дѣтской души! Какая правдивость, художественность въ

изображеніи непосредственно воспринимающихъ, непосредственно чувствующихъ и думающихъ этихъ Ѳедекъ, Семокъ, Пронекъ! А какая дивная по своей простотѣ картина: зимняя ночь, лѣсъ, великій писатель, окруженный деревенскими ребятами, разговоры о «страшномъ», бесѣды объ искусствѣ и эти наивные и милые вопросы: «Зачѣмъ липа? Зачѣмъ пѣніе? Зачѣмъ рисованіе?..» Толстой не просто училъ дѣтей, не просто разсказывалъ имъ,—онъ сливался съ ихъ духовнымъ міромъ, онъ отдавался этому міру, весь, безраздѣльно. Иного отношенія къ дѣлу онъ не признавалъ. Великая душа великаго человѣка не могла мириться съ формальнымъ лишь отношеніемъ къ дѣлу воспитанія и обученія. Въ тѣхъ же очеркахъ, дальше, онъ говоритъ: «Я вижу людей честныхъ, добрыхъ, либеральныхъ, членовъ благотворительныхъ обществъ, которые готовы дать и даютъ одну сотую своего состоянія бѣднымъ, которые учредили и учреждаютъ школы и которые, прочтя это, скажутъ: «Нехорошо!» и покачаютъ головой. «Зачѣмъ усиленно развивать ихъ (крестьянскихъ дѣтей)? Зачѣмъ давать имъ чувства, и понятія, которыя враждебно поставятъ ихъ въ своей средѣ? Зачѣмъ выводить изъ своего быта?» скажутъ они. Я не говорю уже о тѣхъ выдающихъ себя головою, которые скажутъ: «Хорошо будетъ устройство государства, когда всѣ захотятъ быть мыслителями и художниками, а работать никто не станетъ!» Эти прямо говорятъ, что они не любятъ работать, и потому нужно, чтобы были люди не то, что неспособные для другой дѣятельности, а рабы, которые бы работали за другихъ. Хорошо ли, дурно ли, должно ли выводить ихъ изъ ихъ среды и т. д.—кто это знаетъ? И кто можетъ вывести ихъ изъ этой среды? Точно это какое-нибудь механическое дѣло. Хорошо ли, или дурно подбавлять сахаръ въ муку или перецъ въ пиво? Ѳедька не тяготится своимъ оборваннымъ кафтанишкомъ, но нравственные вопросы и сомнѣнія мучатъ Ѳедьку, а вы хотите дать ему три рубля, катихизисъ и исторійку о томъ, какъ работа и смиреніе, которыхъ вы сами терпѣть не можете, одни полезны для человѣка. Три рубля ему не нужны, онъ ихъ пойдетъ и возьметъ, когда они ему понадобятся, а работать научится безъ васъ такъ же, какъ дышать; ему нужно то, до чего

довела васъ ваша жизнь и вашихъ десять не забитыхъ работой поколѣній. Вы имѣли досугъ искать, думать, страдать; дайте же ему то, что вы выстрадали, ему этого одного и нужно; а вы, какъ египетскій жрецъ, закрываетесь отъ него таинственною мантіей, зарываете въ землю талантъ, данный вамъ исторіей. Не бойтесь: человѣку ничто человѣческое не вредно. Вы сомнѣваетесь? Отдайтесь чувству, и оно не обманетъ васъ. Повѣрьте его природѣ, и вы убѣдитесь, что онъ возьметъ только то, что страданіями выработалось въ васъ».

Непосредственное общеніе съ дѣтьми, бесѣды съ ними были, можно сказать, потребностью для Толстого, съ которою онъ не разставался до конца жизни. Совсѣмъ недавно, 2—3 года тому назадъ, въ ясно-полянскій домъ снова собирается деревенская дѣтвора. Правда, теперь занятія имѣютъ нѣсколько другой характеръ: великій учитель пользуется занятіями съ дѣтьми, «чтобы самому поучиться у нихъ». Пытливо, съ глубокимъ вниманіемъ прислушивается онъ къ дѣтскому мнѣнію по разнымъ вопросамъ, какъ бы стараясь заглянуть въ будущее и угадать, какой урожай дадутъ эти молодые всходы. П. Сергѣенко въ своихъ воспоминаніяхъ объ этихъ позднѣйшихъ занятіяхъ Л. Н. Толстого рисуетъ такую глубокопоучительную, захватывающую по своей простотѣ, картину. «Иногда,—пишетъ онъ,—вечерніе курсы въ Ясной Полянѣ заканчиваются необыкновенно красивыми эпизодами. Занятія съ дѣтьми глубоко интересуютъ Л. Н. И зачастую *онъ къ нимъ готовится какъ добросовѣстный профессоръ къ университетскимъ лекціямъ*. Особенное значеніе онъ придаетъ бесѣдамъ съ дѣтьми по поводу предыдущихъ лекцій. И вотъ однажды по поводу лекцій по астрономіи ясно-полянскіе вольнослушатели заявили Л. Н., что они разыскивали по его способу полярную звѣзду на небѣ и никакъ не могли найти ее. Невзирая на холодный вечеръ, Л. Н. съ юношеской быстротой накинулъ на себя пальто и, выйдя съ дѣтьми на воздухъ, началъ объяснять имъ взаимное отношеніе звѣздъ.

«И трудно было придумать болѣе символическую картину, какъ занесенная снѣгомъ Ясная Поляна и Левъ Николаевичъ Толстой, стоящій ночью въ снѣгу, среди крестьянскихъ дѣтей и указывающій имъ на звѣздное небо».

Другой, близкій къ Толстому человѣкъ, И. И. Горбуновъ-Посадовъ, также разсказываетъ, какое глубокое впечатлѣніе произвели на него бесѣды Л. Н. съ дѣтьми, относящіяся, повидимому, къ этому же времени. «Передо мною,—пишетъ онъ,—встаютъ двѣ бесѣды Л. Н. съ дѣтьми, при которыхъ я присутствовалъ въ сосѣдней съ ними комнатѣ,—одна лѣтомъ, другая осенью 1907 года. Мнѣ слышится старческій голосъ, необыкновенно просто, глубоко и любовно излагающій дѣтямъ въ первый разъ встрѣчу и бесѣду Христа съ самарянкой, во второй разъ страданія Христа,—вслѣдъ же за этими евангельскими бесѣдами въ такой же передачѣ нѣсколько избранныхъ мыслей великихъ мыслителей. И въ отвѣтъ ему потокъ дѣтскихъ голосовъ, воскрешающихъ передъ вами старую ясно-полянскую школу, стремительно несущихся впередъ, то замирая и смѣняясь однимъ голосомъ, особенно хорошо передающихъ разсказанное, то опять говорящихъ, кричащихъ въ одинъ голосъ, совсѣмъ такъ, какъ въ описаніи ясно-полянской школы, когда школьники, наваливаясь другъ на друга, говорятъ всѣ вмѣстѣ, съ тою кажущеюся безпорядочностью, которая, между тѣмъ, способствуетъ тому лишь, что каждый изливаетъ все то, чѣмъ полны его умъ и сердце въ эти минуты. Въ первую бесѣду, происходившую въ той полуподвальной комнатѣ, гдѣ Левъ Николаевичъ писалъ когда-то «Царство Божіе» и «Крейцерову сонату», дѣти принесли съ собою съ полей, гдѣ они были въ денномъ, съ пруда, у котораго они только что возились, столько солнца, столько веселой дѣтской дури, что не могли совладать съ собою до конца бесѣды. Подъ конецъ бесѣды на кого-то изъ нихъ напалъ смѣхунъ, и другіе имъ заразились. Надо было видѣть, съ какимъ радушіемъ относился Толстой къ проявленіямъ ребячьей рѣзвости, съ какимъ нѣжнымъ терпѣньемъ старался онъ помочь имъ самимъ направиться опять въ русло бесѣды, и когда окончательно увидалъ, что имъ трудно собирать свои мысли, какъ ласково убѣждалъ ихъ прекратить бесѣду. Было удивительно уже то, что ребятъ такъ тянуло на эту серьезную бесѣду въ эти чудные, золотые вечера, когда взрослаго тянетъ въ полевую даль и ширь...

«Во время второй бесѣды, бывшей въ кабинетѣ Льва Николаевича, въ верхнемъ этажѣ его ясно-полянскаго дома,

ничто не отвлекало ребятъ. Въ окна глядѣлъ хмурый, темный осенній вечеръ. Настроеніе было сосредоточенное. Вниманіе дѣтей жадное. Бесѣда шла замѣчательно интересная и содержательная. Нѣсколько ребятъ прямо поражали своей понятливостью и ясностью и разумностью своихъ замѣчаній, вопросовъ и отвѣтовъ.

«Съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ ловилъ старый, великій другъ ихъ дѣтскіе отвѣты, замѣчанія, объясненія, соображенія, вопросы и вносилъ въ потокъ ихъ, брызжущей живостью и радостью молодости, звонкой рѣчи тихія, простыя, глубокія слова своей сѣдой мудрости!

«Я слушалъ, и предо мною вставали десятки тысячъ школъ по необъятной шири Россіи съ бѣдными приплюснутыми къ партамъ дѣтскими фигурками, съ учителями—суровыми дядьками, часто только что соскочившими съ семинарской скамьи, уже быстро постигшими школьную философію полнаго неуваженія къ правамъ и запросамъ дѣтской души,—вставали десятки тысячъ маленькихъ и большихъ педагогическихъ казармъ, гдѣ духовные дары, вложенные въ каждаго ребенка, въ огромномъ большинствѣ случаевъ гаснутъ, безслѣдно пропадая для человѣчества.

«А здѣсь, около меня, великій геніальный старикъ, къ слову котораго прислушивается весь міръ, съ безконечнымъ уваженіемъ къ этимъ малышамъ, бесѣдовалъ съ ними о самомъ великомъ въ мірѣ».

II.

Существуетъ мнѣніе, что Толстой отстаивалъ и придерживался самъ буквослагательнаго метода обученія грамотѣ. Но тутъ, несомнѣнно,—недоразумѣніе. Толстой, дѣйствительно, не признавалъ за звуковымъ методомъ тѣхъ преимуществъ, которыя признаютъ за нимъ его сторонники, и отстаивалъ свой, особый методъ, «состоящій въ томъ, чтобы называть всѣ согласныя съ гласной буквой и складывать на слухъ безъ книги». Этотъ методъ употреблялъ онъ лично во всѣхъ своихъ школахъ. Свой взглядъ на этотъ предметъ онъ изложилъ въ слѣдующемъ письмѣ къ издателю, «Московскихъ Вѣдомостей»:

«Я прочелъ и слышалъ съ разныхъ сторонъ упреки моей Азбукѣ за то, что я, будто бы, не зная или не хотя знать вводимаго нынче повсемѣстно звукового способа, предлагаю въ своей книгѣ старый и трудный способъ азовъ и складовъ. Въ этомъ упрекѣ есть очевидное недоразумѣніе. Звуковой способъ мнѣ не только хорошо извѣстенъ, но едва ли не я первый привезъ его и испыталъ въ Россіи 12 лѣтъ тому назадъ, послѣ своей поѣздки по Европѣ съ цѣлью педагогическаго изученія. Испытывая тогда и нѣсколько разъ потомъ обученіе грамотѣ по звуковому методу, который, кромѣ того, что противенъ духу русскаго языка и привычкамъ народа, и, кромѣ того, что требуетъ особо составленныхъ для него книгъ, и кромѣ огромной трудности его примѣненія и многихъ другихъ неудобствъ, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто, неудобенъ для русскихъ школъ, что обученіе по немъ трудно и продолжительно, и что методъ этотъ легко можетъ быть замѣненъ другимъ. Этотъ-то другой методъ, состоящій въ томъ, чтобы называть всѣ согласныя съ гласной буквой и складывать на слухъ безъ книги, и былъ мною придуманъ еще 12 лѣтъ тому назадъ, употребляемъ мной лично во всѣхъ моихъ школахъ и, по собственному ихъ выбору, всѣми учителями школъ, находившимися подъ моимъ руководствомъ, и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ. Этотъ-то пріемъ я и предлагаю въ своей Азбукѣ. Онъ имѣетъ только внѣшнее сходство со способомъ азовъ и складовъ, въ чемъ легко убѣдится всякій, кто дастъ себѣ трудъ прочесть руководство для учителя въ моей «Азбукѣ». Способъ этотъ отличается отъ всѣхъ другихъ неизвѣстныхъ мнѣ пріемовъ обученія грамотѣ особенно тѣмъ, что по немъ ученики выучиваются грамотѣ гораздо скорѣе, чѣмъ по всякому другому: способный ученикъ выучивается въ 3—4 урока хотя медленно, но правильно читать, а неспособный не болѣе, какъ въ 10 уроковъ. Поэтому всѣхъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что звуковой способъ есть самый лучшій, быстрый и разумный, я прошу сдѣлать только то, что я дѣлалъ неоднократно, что я также предложилъ Московскому Комитету Грамотности сдѣлать публично, т.-е. сдѣлать опытъ обученія нѣсколькихъ учениковъ по тому и другому способу.

«Дѣло обученія грамотѣ есть дѣло практическое, и показать лучшій и удобнѣйшій пріемъ обученія грамотѣ можетъ только опытъ, а не разсужденія, а потому всѣхъ тѣхъ, кого должно интересовать и интересуетъ дѣло грамотности, я прошу до произнесенія рѣшенія сдѣлать опытъ.

«Самый процессъ обученія грамотѣ есть одно изъ ничтожнѣйшихъ дѣлъ во всей области народнаго образованія, какъ я это уже высказалъ и въ издаваемомъ мною журналѣ 12 лѣтъ тому назадъ и въ наставленіи для учителя въ изданной недавно «Азбукѣ», но и въ этомъ ничтожномъ относительно дѣлѣ для чего итти хитрымъ и труднымъ путемъ звукового способа, когда можно того же самаго достигнуть проще и скорѣе».

Методъ свой обученія грамотѣ Толстой отстаивалъ и въ Московскомъ Комитетѣ Грамотности. Въ концѣ 70-хъ годовъ здѣсь цѣлый рядъ засѣданій былъ посвященъ дебатамъ о преимуществѣ звукового метода передъ методомъ Толстого. Въ результатѣ этого спора было рѣшено устроить пробныя занятія параллельно съ двумя группами дѣтей: въ одной группѣ вести обученіе по звуковому методу, въ другой—по методу Толстого. Произведенныя потомъ (черезъ 2 мѣсяца) испытанія не дали положительныхъ результатовъ, стороны остались при прежнихъ своихъ взглядахъ, при чемъ, по мнѣнію Толстого, въ самой организаціи этихъ занятій былъ допущенъ рядъ ошибокъ. По этому поводу имъ написано было слѣдующее письмо предсѣдателю Комитета Грамотности І. Н. Шатилову:

«Милостивый государь, Іосифъ Николаевичъ!

«Постараюсь исполнить ваше желаніе, т.-е. написать то, или приблизительно то, что было высказано мною въ послѣднемъ засѣданіи Комитета [1]). Исполняю это съ особеннымъ удовольствіемъ еще и потому, что въ прежнемъ протоколѣ засѣданія, въ которомъ напечатаны мои слова (я только что прочелъ его), я нашелъ много не имѣющихъ яснаго смысла фразъ, которыхъ я, помнится, не говорилъ. Если то, что было говорено мною въ послѣднемъ засѣданіи,

---

[1]) Московскій Комитетъ Грамотности.

должно быть напечатано, то настоящее письмо или можетъ быть напечатано вмѣсто стенографическаго отчета, или можетъ служить ему повѣркой.

«Опытъ испытанія преимущества того или другого метода посредствомъ учрежденія двухъ школъ и экзамена былъ столь неудаченъ, что послѣ испытанія оказались возможнымъ самыя противоположныя сужденія. Были сдѣланы ошибки въ самомъ устройствѣ школъ. Первая ошибка состояла въ томъ, что взяты въ школы дѣти слишкомъ малыя, ниже того возраста и зрѣлости, при которомъ дѣти бываютъ способны къ ученію. Очевидно, что на дѣтяхъ, неспособныхъ еще учиться, нельзя дѣлать опыта, какимъ образомъ легче и труднѣе учиться. Трехлѣтній ребенокъ одинаково не выучится; ни по какому способу пяти-шестилѣтній почти ни чему не выучится; только на дѣтяхъ 10—11 лѣтъ можно видѣть, по какому способу они выучаться скорѣе. Большинство же учениковъ обѣихъ школъ были дѣти 6, 7 и 8 лѣтъ, не достигшія еще возраста школьной зрѣлости, и поэтому только на старшихъ ученикахъ могло выказаться преимущество того или другого способа. Въ обѣихъ школахъ было только по трое такихъ, и потому, сравнивая успѣхи той и другой школы, я буду говорить преимущественно о трехъ старшихъ ученикахъ.

«Вторая ошибка состояла въ томъ, что допущены были въ школу посѣтители. Въ напечатанномъ въ моей «Азбукѣ» краткомъ руководствѣ для учителя сказано, что одно изъ главныхъ условій для успѣха ученія состоитъ въ томъ, чтобы тамъ, гдѣ учатся, не было предметовъ и лицъ, развлекающихъ вниманіе учениковъ. Казалось бы, что условіе это должно быть одинаково невыгодно какъ для той, такъ и для другой школы, но оно было невыгодно только для моей школы, потому что главное основаніе обученія по моему способу состоитъ въ отсутствіи принужденія и въ свободномъ интересѣ ученика къ тому, что ему предлагаютъ учителя, тогда какъ обученіе въ звуковой школѣ основано на принужденіи и весьма строгой дисциплинѣ. Понятно, что учителю легче заинтересовать ученика тамъ, гдѣ нѣтъ ничего развлекающаго вниманіе учениковъ, а тамъ, гдѣ постоянно входятъ и выходятъ новыя лица, привлечь вниманіе ученика будетъ

очень трудно, и что, напротивъ, въ принудительной школѣ вліяніе развлеченія будетъ менѣе ощутительно.

«Третья ошибка состоитъ въ томъ, что г. Протопоповъ отступилъ при обученіи въ своей школѣ отъ пріемовъ, которые я считаю вредными, но которые считаются необходимымъ условіемъ обученія при звуковомъ методѣ. Отступленіе это, безъ сомнѣнія, было очень выгодно для обучавшихся дѣтей, и если бы сторонники звукового метода признали, что это отступленіе не случайно, то одной изъ главныхъ сторонъ моего разногласія съ ними не существовало бы. Отступленіе г. Протопопова отъ своего метода состояло, во-первыхъ, въ томъ, что онъ не исполнилъ требованія такъ называемаго нагляднаго обученія, которое, по мнѣнію педагоговъ, должно быть нераздѣльно связано съ обученіемъ грамотѣ и предшествовать ему. Бунаковъ и всѣ столпы новой педагогики совѣтуютъ большую часть времени употреблять на наглядное обученіе.

«На извѣстныхъ педагогическихъ курсахъ прошлаго года, какъ я слышалъ, всѣ ученые педагоги, учителя учителей, показывали на ученикахъ, что надо три четверти времени проводить въ описаніи комнаты, стола и т. д. Это не было дѣлаемо г. Протопоповымъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ предписывается педагогами. Правда, я видѣлъ одинъ разъ, что, прочтя слово «дроздъ», г. Протопоповъ хотѣлъ показать ученикамъ въ лицахъ дрозда, но въ картинахъ дрозда не оказалось, и г. Протопоповъ, попросивъ ихъ повѣрить на слово, что дроздъ—птица (что они очень хорошо знали), поспѣшилъ перейти къ занятію чтеніемъ. Повторяю, что отступленіе это очень выгодно для учениковъ и для дѣла, но надо признать его. И тогда, я повторяю, я почти не спорю.

«Другое отступленіе, сдѣланное г. Протопоповымъ отъ своего метода, состояло въ томъ, что противно общему правилу педагоговъ, что книги надо читать только въ школѣ съ объясненіемъ каждаго слова, г. Протопоповъ давалъ своимъ ученикамъ книги читать и на домъ. Я считаю главной цѣлью школы, доводить учениковъ до того, чтобы они, интересуясь книгой, брали ее читать на домъ и понимали бы ее, какъ они хотятъ, и потому г. Морозовъ давалъ учени-

камъ книги на домъ; но сколько мнѣ извѣстно по руководствамъ педагоговъ звукового метода, такъ какъ при немъ дѣти считаются дикарями, которыхъ надо мѣсяца два учить правой и лѣвой сторонѣ и тому, что верхъ, что низъ, то книгъ имъ давать не надо, и всякое слово должно быть объяснено. Опять, если мы и въ этомъ согласны, убавляется еще одна важная часть спора.

«Третье отступленіе состоитъ въ томъ, что г. Протопоповъ давалъ читать своимъ ученикамъ не исключительно руководства педагоговъ звуковой школы, которыя я считаю дурными. Для самаго важнаго отдѣла чтенія, того, которое производилось учениками дома для личнаго интереса, онъ употреблялъ именно мои книги—«Азбуку» и «Ясную Поляну». Эти двѣ книги были имъ постоянно даваемы ученикамъ на домъ. Опять повторяю, что и на это я совершенно согласенъ, но надо признать это.

«Четвертая и самая главная ошибка въ устройствѣ школы было ихъ сосѣдство изъ двери въ дверь и то, что дѣти вмѣстѣ ходили въ школу и уходили изъ нея. Многіе ученики даже жили вмѣстѣ на однѣхъ квартирахъ. Невыгодное вліяніе сосѣдства и сближенія учениковъ состояло въ томъ, что ученики г. Протопопова научились отъ учениковъ г. Морозова моему способу складыванія и, по моему убѣжденію, благодаря этому знанію, выучились читать у г. Протопопова. Всѣ мальчики школы г. Протопопова умѣютъ складывать на слухъ и умѣли дѣлать это съ первыхъ же дней, научившись этому отъ учениковъ Морозова. На экзаменѣ мы видѣли, какъ они называли буквы—бе, ре и т. д. Способъ складыванія на слухъ такъ легокъ, что въ моихъ прежнихъ школахъ меньшой братъ ученика всегда приходилъ въ школу уже съ знаніемъ складовъ, которому онъ научился на слухъ отъ брата. Въ нынѣшнемъ году въ яснополянской школѣ хозяйскій мальчикъ 6-ти лѣтъ, считавшійся слишкомъ молодымъ для ученія, лежалъ на полатяхъ во время ученія и послѣ нѣсколькихъ уроковъ слѣзъ и сталъ хвастаться, что онъ все знаетъ,—и дѣйствительно зналъ. Такъ и ученики г. Протопопова, перебѣгая черезъ школу, возвращались вмѣстѣ домой, научились складывать, и въ классѣ г. Протопопова складывали собственно по моему способу, и только,

удовлетворяя требованіямъ г. Протопопова, называли *бе—бъ*, въ сущности же читали по буквослагательному способу. Долженъ сказать, что г. Протопоповъ съ чрезвычайной добросовѣстностью требовалъ отъ учениковъ, чтобы они забывали *бе* и называли *бъ*, и ученики старались дѣлать то, что велитъ учитель. Я самъ видѣлъ въ классѣ г. Протопопова, какъ мальчикъ, давно прочтя слово «груша» и зная, что оно состоитъ изъ ге-ре-у-ше-а, бился и не могъ выговорить *гъ*, *ръ*, чего требовалъ учитель. Итакъ, вслѣдствіе сосѣдства школъ, по моему мнѣнію, ученики г. Протопопова выучились не благодаря звуковому методу, но скорѣе несмотря на него. Этотъ взаимный невольный обманъ, состоящій въ томъ, что ученики выучиваются, въ сущности по буквослагательному болѣе естественному и легкому способу, а въ угоду учителя притворяются, что они учатся по звуковому, былъ замѣченъ мною не разъ во многихъ школахъ, въ которыхъ предписывается звуковой способъ. Всѣ опытные люди, наблюдавшіе самый ходъ дѣла обученія грамотѣ въ народныхъ школахъ, какъ-то: инспектора, члены училищныхъ совѣтовъ, подтверждаютъ, что въ большинствѣ школъ, гдѣ введенъ звуковой способъ, онъ ведется только номинально, въ сущности же дѣти обучаются по буквослагательному, называя согласныя бы, вы, гы и т. д. Только этому взаимному обману можно приписать и то, что въ обществахъ городскихъ, гдѣ грамотность распространена, звуковой способъ даетъ лучшіе результаты, чѣмъ въ деревняхъ.

«Въ городахъ, гдѣ знаютъ дѣти буквы и склады, переучиваясь по звуковому, они учатся, собственно, по буквослагательному, но пріучаются откидывать ненужное при складахъ уки, ѣди или е.

«Въ послѣднемъ засѣданіи Комитета, на которомъ я былъ, у меня спрашивали, что я разумѣю подъ словами, что мой способъ народенъ? Вотъ это самое. Я и разумѣю то, что учитель съ добросовѣстнымъ усиліемъ старается выучить дѣтей русской грамотѣ по нѣмецкому способу и противъ своей воли учитъ по народному способу, и что ученики выучиваются ему безсознательно.

«Таковы были ошибки въ учрежденіи школъ для испытанія. Но, несмотря на самыя противорѣчивыя сужденія, вы-

раженныя членами экзаменаціонной комиссіи о результатахъ испытанія, мнѣ кажется, что результатъ испытанія совершенно ясенъ, если разсматривать только тѣхъ учениковъ, которые могли учиться, т.-е. 3-хъ старшихъ въ той и другой школѣ. Опредѣляя по занятію, я вижу, что старшіе ученики г. Протопопова умѣютъ читать и писать по-русски и больше ничего. Ученики школы Морозова умѣютъ также читать по-русски (по-моему, лучше), но, кромѣ того, знаютъ нумерацію, сложеніе, вычитаніе и отчасти умноженіе и дѣленіе и еще читаютъ по-славянски. Слѣдовательно, знаютъ гораздо больше. Опредѣляя же по времени, я вижу, что ученики г. Морозова знали то, что знаютъ теперь ученики г. Протопопова (я говорю про трехъ) черезъ двѣ недѣли послѣ начатія ученія, и справедливость этого могутъ подтвердить всѣ посѣщавшіе школу и видѣвшіе, что 3 старшіе ученика Морозова уже послѣ двухъ недѣль читали такъ же, какъ теперь читаютъ ученики г. Протопопова. Остальное время было употреблено г. Морозовымъ на славянскій языкъ, ариѳметику и на тѣ медленные шаги въ улучшеніи чтенія и письма, которые не могли быть замѣтны на экзаменѣ.

«Итакъ, ученики г. Морозова знаютъ гораздо болѣе того, что знаютъ ученики г. Протопопова, и менѣе чѣмъ въ половину того времени, которое было употреблено г. Протопоповымъ. Вотъ, по моему мнѣнію, ясный и очевидный результатъ испытанія, доказывающій, что способъ, по которому училъ г. Морозовъ, несмотря на тѣ ошибки, которыя я указалъ,—что способъ этотъ вдвое легче и быстрѣе, чѣмъ звуковой способъ.

«Если же разсматривать и меньшихъ учениковъ, то и относительно ихъ общій результатъ испытанія будетъ тотъ, что всѣ безъ исключенія ученики г. Морозова умѣютъ читать по складамъ, писать и знаютъ цифры и нумерацію, ученики же г. Протопопова знаютъ читать и писать, и больше ничего. И то изъ меньшихъ учениковъ г. Протопопова надо исключить двоихъ, которые не знаютъ даже и читать.

«Но мы слышали въ прошломъ засѣданіи и услышимъ отъ всякаго педагога звукового метода и прочтемъ во всякомъ руководствѣ педагоговъ этой школы, что обученіе грамотѣ ничего не значитъ, что главное дѣло—«развитіе».

При окончательномъ обсужденіи вопроса въ засѣданіи Комитета Толстой произнесъ обширную рѣчь въ защиту своего метода, заключивъ ее слѣдующими словами: «Очень можетъ быть, я даже увѣренъ, что звуковой способъ преподаванія будетъ продолжаться еще очень долго, но я думаю, что чѣмъ скорѣе откажемся мы отъ этого способа, тѣмъ будетъ лучше, такъ какъ онъ только можетъ задерживать дѣло народнаго образованія».

Споръ этотъ, такимъ образомъ, не рѣшилъ вопроса о преимуществѣ того или другого метода, тѣмъ не менѣе онъ, несомнѣнно, много содѣйствовалъ болѣе успѣшному и всестороннему выясненію вопроса и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

III.

Уваженіе къ личности ребенка и свобода, которую Толстой полагалъ въ основу обученія, имѣли своимъ послѣдствіемъ индивидуализацію при обученіи. Она явилась, какъ выводъ изъ этихъ общихъ посылокъ. Это положеніе Толстой развиваетъ въ особой статьѣ, посвященной имъ вопросу о методахъ обученія грамотѣ. Разобравъ практиковавшіеся тогда методы обученія грамотѣ, онъ приходитъ къ заключенію, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть обязателенъ для учителя, такъ какъ невозможно вести дѣло обученія грамотѣ по одному, заранѣе принятому методу. Въ каждомъ случаѣ нужно сообразоваться, во-первыхъ, съ тѣмъ, съ какимъ изъ существующихъ пріемовъ наиболѣе знакомъ самъ учитель, и во-вторыхъ, какой изъ нихъ наиболѣе примѣнимъ къ данному ученику. «Какая же самая лучшая метода для обученія русской грамотѣ? — спрашиваетъ онъ, и сейчасъ же отвѣчаетъ:—Ни самая новая звуковая метода, ни самая старая--азовъ, складовъ и толковъ, ни метода гласныхъ, ни зотовская метода, — однимъ словомъ, нѣтъ лучшей методы. Лучшая метода для извѣстнаго учителя есть та, которая болѣе всѣхъ другихъ знакома учителю. Всѣ другія методы, которыя знаетъ учитель и которыя изобрѣтетъ учитель, должны помогать ученію, начатому по одной методѣ. Каждый народъ и каждый языкъ имѣютъ преимущественную

связь съ одною какою-нибудь методой. Чтобы узнать эту методу, нужно знать только, по какой методѣ дольше всего учился народъ; метода эта въ своихъ основныхъ чертахъ будетъ наиболѣе свойственна народу. Для насъ это есть метода буквъ, складовъ и толковъ, весьма несовершенная, какъ и всѣ методы, и потому могущая быть усовершенствована всѣми пріобрѣтеніями, которыя даютъ намъ новыя методы». И дальше: «Всякая отдѣльная личность для того, чтобы выучиться наискорѣйшимъ образомъ грамотѣ, должна быть обучена совершенно особенно отъ всякой другой, и потому для каждаго должна бы быть особая метода: для одного представляется непобѣдимою трудностью то, что нисколько не задерживаетъ другого, и наоборотъ. Одинъ ученикъ силенъ памятью, и ему легче на память выучить склады, чѣмъ понять безгласность согласной; другой спокойно соображаетъ и пойметъ звуковую, самую раціональную методу; у третьяго есть чутье, инстинктъ, и онъ, читая цѣлыя слова, уразумѣваетъ законъ сложенія слова».

Итакъ, отъ буквослагательнаго вплоть до начинающаго практиковаться теперь, такъ называемаго, «американскаго» метода, по мнѣнію Толстого, всѣ имѣютъ право на существованіе, примѣненіе каждаго изъ нихъ онъ считаетъ возможнымъ, если только тотъ или другой соотвѣтствуетъ *индивидуальнымъ* особенностямъ ребенка. Здѣсь нельзя обойти молчаніемъ того обстоятельства, что «американскій» методъ обученія грамотѣ, который теперь трактуется, какъ послѣднее слово школьной практики, намѣчался Толстымъ 50 лѣтъ тому назадъ. Стоитъ вдуматься въ его положеніе: «читая цѣлыя слова, (ученикъ) уразумѣетъ законъ сложенія слова», чтобы убѣдиться, что это и есть въ основѣ своей именно то, что принято теперь именовать «американскимъ» методомъ и считать послѣднимъ словомъ школьной практики. Великій умъ предвидѣлъ это полвѣка тому назадъ.

Индивидуализація въ дѣлѣ преподаванія, конечно, возможна только въ томъ случаѣ, если учитель является широко освѣдомленнымъ въ своей области. Учитель-ремесленникъ, узкій практикъ съ этой задачей не справится. Тутъ нужны и талантъ, и призваніе, и широкая освѣдомленность. И Толстой

отлично это понималъ. Именно эти требованія онъ и предъявлялъ къ учителю, когда писалъ: «Наилучшій учитель будетъ тотъ, у котораго сейчасъ подъ рукой готово разъясненіе того, что остановило ученика. Разъясненія эти даютъ учителю знаніе наибольшаго числа методъ, способность придумывать новыя методы и главное—не слѣдовать одной методѣ, а убѣжденіе въ томъ, что всѣ методы односторонни и что наилучшая метода была бы та, которая отвѣчала бы на всѣ возможныя затрудненія, встрѣчаемыя ученикомъ, т.-е. не метода, а *искусство* и *талантъ*» (курсивъ нашъ).

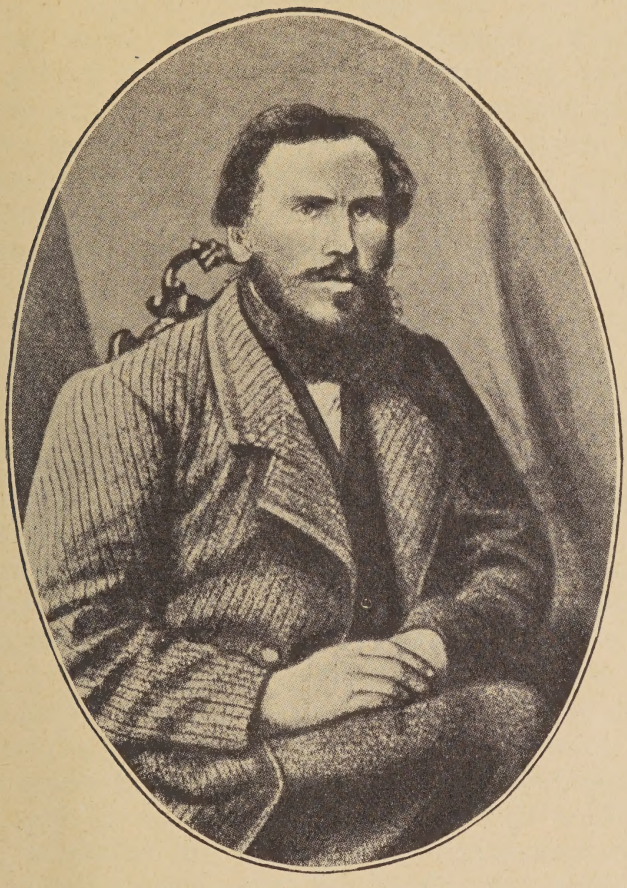
Учитель долженъ постоянно совершенствоваться, онъ не можетъ и не долженъ стоять на одномъ мѣстѣ, такъ какъ дѣло, которому служитъ онъ, живое, постоянно развивающееся, постоянно идущее впередъ.

«Всякій учитель,—говоритъ онъ,—долженъ знать, что каждая изобрѣтенная метода есть только ступень, на которую должно становиться для того, чтобы итти дальше; долженъ знать, что ежели онъ самъ того не сдѣлаетъ, то другой, усвоивъ себѣ эту методу, на основаніи ея пойдетъ дальше, и что такъ какъ дѣло преподаванія есть искусство, то оконченность и совершенство недостижимы, а развитіе и совершествованіе безконечны».

Общимъ критеріумомъ для опредѣленія достоинствъ того или другого метода преподаванія должна служить та легкость, съ которой ученики воспринимаютъ преподаваемыя имъ знанія, а этого, конечно, скорѣе достигаетъ тотъ учитель, который лучше владѣетъ своимъ предметомъ. Такой учитель дѣйствуетъ не силой принужденія, а тѣмъ интересомъ, который онъ пробуждаетъ въ учащихся. «Всякое движеніе впередъ педагогики,—говоритъ Толстой въ другомъ мѣстѣ,—если мы внимательно разсмотримъ исторію этого дѣла, состоитъ въ большемъ и большемъ приближеніи къ естественности отношеній между учителемъ и учениками, въ меньшей принудительности и въ большей облегченности ученія». Отсутствіе принудительности предполагаетъ свободу. Но тутъ самъ собой напрашивается вопросъ, какъ и гдѣ найти границу той свободы, которая можетъ быть допущена въ школѣ? И ясно-полянскій учитель даетъ прекрасный отвѣтъ на этотъ вопросъ. «Граница этой свободы,—говоритъ

онъ,—сама собой опредѣляется учителемъ, его знаніемъ, его способностью руководить школой, свобода эта не можетъ быть предписываема; мѣра этой свободы есть только раздѣльность большаго или меньшаго знанія и таланта учителя. Свобода это не есть правило, но она служитъ повѣркой при сравненіи школъ между собой и повѣркой при сравненіи новыхъ пріемовъ, вводимыхъ въ школьное обученіе. Та школа, въ которой меньше принужденія, лучше той, въ которой больше принужденія. Тотъ пріемъ, который при своемъ введеніи въ школу не требуетъ усиленія дисциплины, хорошъ; тотъ же, который требуетъ большей строгости, навѣрное, дуренъ».

Выводы эти для насъ особенно цѣнны потому, что они сдѣланы не на основаніи однихъ только теоретическихъ разсужденій, а явились слѣдствіемъ той педагогической практики, которая имѣла мѣсто въ ясно-полянской школѣ. Вспоминая постановку дѣла въ ней черезъ 15 лѣтъ послѣ ея закрытія, Толстой говоритъ: «Для учителей послѣдствія такого (свободнаго, лишеннаго и тѣни принудительности) отношенія къ ученикамъ были тѣ, что учителя не считали наилучшей ту методу, которую знали, и старались узнать другія методы, старались сближаться съ другими учителями, чтобы узнать ихъ пріемы, испытывали новые пріемы и, главное, *постоянно учились сами*. Учитель никогда не позволялъ себѣ думать, что въ неуспѣхѣ виноваты ученики: ихъ лѣность, шаловливость, тупоуміе, глухота, косноязычіе, а твердо зналъ, что въ неуспѣхѣ виноватъ только онъ, и на каждый недостатокъ ученика или учениковъ учитель старался отыскать средство. Для учениковъ послѣдствія были тѣ, что они охотно учились, всегда просили учителей о зимнихъ вечернихъ классахъ и были совершенно свободны въ классѣ, что, по моему убѣжденію и опыту, есть главное условіе успѣшнаго хода ученія. Между учителями и учениками всегда устанавливались *дружескія*, естественныя отношенія, при которыхъ только и возможно учителю узнать вполнѣ своихъ учениковъ. Если бы опредѣлить по внѣшнему, первому впечатлѣнію школы, различіе между церковной, нѣмецкой и моей, то главное различіе будетъ такое: въ церковной школѣ слышно особенное, неестественно-однообразное кричаніе всѣхъ учениковъ и из-



Левъ Николаевичъ Толстой въ 1862 году.

рѣдка строгіе крики учителя; въ нѣмецкой — слышенъ одинъ голосъ учителя и изрѣдка робкіе голоса учениковъ; въ моей— слышны громкіе голоса учителей и учениковъ почти вмѣстѣ».

Прекрасной иллюстраціей той свободы отношеній между учащимися и учащими, которыя имѣли мѣсто въ ясно-полянской школѣ, служитъ слѣдующая картинка:

«Иногда, когда классы бываютъ интересны, и ихъ было много, и ребята устали, или передъ праздникомъ, когда дома печки приготовлены париться, вдругъ, не говоря ни слова, на второмъ или третьемъ послѣобѣденномъ классѣ два или три мальчика забѣгаютъ въ комнату и спѣша разбираютъ шапки. «Что вы?»—«Домой!»—«А учиться? Вѣдь пѣніе!»—«А ребята говорятъ: домой!» отвѣчаетъ онъ, ускользая со своей шапкой. «Да кто говоритъ?»—«Ребята пошли!»—«Какъ же, какъ? — спрашиваетъ озадаченный учитель, приготовившій свой урокъ. — Останься!» Но въ комнату вбѣгаетъ другой мальчикъ съ разгоряченнымъ, озабоченнымъ лицомъ. «Что стоишь?—сердито нападаетъ онъ на удержаннаго, который въ нерѣшительности заправляетъ хлопки въ шапку.—Ребята ужъ во-онъ гдѣ, у кузни ужъ небось.»—«Пошли?»—«Пошли». И оба бѣгутъ вонъ, изъ-за двери крича: «Прощайте, Иванъ Ивановичъ!» И кто такіе эти ребята, которые рѣшили итти домой, какъ они рѣшили,—Богъ ихъ знаетъ. Кто именно рѣшилъ, вы никакъ не найдете. Они не совѣщались, не дѣлали заговора, а такъ вздумали ребята домой. «Ребята идутъ!» и застучали ножонки по ступенькамъ, кто котомъ свалился со ступеней, и, подпрыгивая и бултыхаясь въ снѣгъ, обѣгая по узкой дорожкѣ другъ друга, съ крикомъ побѣжали домой ребята. Такіе случаи повторяются разъ-два въ недѣлю. Оно обидно и непріятно для учителя, кто не согласится съ этимъ; но кто не согласится тоже, что вслѣдствіе одного такого случая насколько большее значеніе получаютъ тѣ пять, шесть, а иногда семь уроковъ въ день для каждаго класса, которые свободно и охотно выдерживаются каждый день учениками. Только при повтореніи такихъ случаевъ можно быть увѣреннымъ, что преподаваніе, хотя и недостаточное и односторонее, не совсѣмъ дурно и не вредно. Ежели бы вопросъ былъ поставленъ такъ: что лучше—чтобы въ продолженіе года не было ни одного такого случая или чтобы

случаи эти повторялись больше, чѣмъ наполовину уроковъ? Мы бы выбрали послѣднее. Я, по крайней мѣрѣ, въ яснополянской школѣ былъ радъ этимъ, нѣсколько разъ въ мѣсяцъ повторявшимся случаямъ. Несмотря на частыя повторенія ребятамъ, что они могутъ уходить всегда, когда имъ хочется, вліяніе учителя такъ сильно, что я боялся послѣднее время, какъ бы дисциплина классовъ, расписаній и отмѣтокъ, незамѣтно для нихъ, не стѣснила ихъ свободы такъ, чтобъ они совсѣмъ не покорились хитрости нашей разставленной сѣти порядка, чтобы не утратили возможности выбора и протеста. Ежели они продолжаютъ ходить охотно, несмотря на предоставленную имъ свободу, я никакъ не думаю, чтобы это доказывало особенныя качества ясно-полянской школы,—я думаю, что въ большей части школъ то же самое бы повторилось, и что желаніе учиться въ дѣтяхъ такъ сильно, что для удовлетворенія этого желанія они подчинятся многимъ труднымъ условіямъ и простятъ много недостатковъ. Возможность такихъ убѣганій полезна и необходима только какъ средство застрахованія учителя отъ самыхъ сильныхъ и грубыхъ ошибокъ и злоупотребленій».

Такимъ образомъ свобода отношеній между учащимися и учителемъ, по мнѣнію Толстого, является для учителя средствомъ повѣрки, насколько удовлетворительна постановка дѣла преподаванія въ школѣ, т.-е. насколько она удовлетворяетъ запросамъ дѣтской души, дѣтской любознательности, взятой непосредственно, въ ея естественномъ видѣ. Это слѣдуетъ хорошо помнить тѣмъ, кто полагаетъ, что любознательность эту можно вызвать силой принужденія, угрозой или обѣщаніемъ награды. Потребность знанія, стремленіе къ нему лежитъ въ природѣ ребенка. Весь секретъ въ томъ, чтобы во-время угадать эту потребность и вѣрно отвѣтить на нее.

Нечего и говорить, что Толстой относился отрицательно къ задаванію уроковъ, къ экзаменамъ, къ наградамъ и тому подобнымъ пережиткамъ нашей школы, относя ихъ къ остатку средневѣковыхъ суевѣрій.

IV.

Являясь сторонникомъ свободной школы, Толстой не скрывалъ своего отрицательнаго отношенія къ нѣмецкой школѣ того времени, съ ея дисциплиной, скукой, условностями. Онъ былъ противъ того увлеченія нѣмецкой педагогикой, того слѣпого подражанія нашимъ западнымъ сосѣдямъ въ постановкѣ учебнаго дѣла, которое замѣчалось у насъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Толстой являлся сторонникомъ школы національной, конечно, въ лучшемъ смыслѣ этого слова,—школы, свойственной духу и историческому прошлому своего народа и вмѣстѣ съ тѣмъ стоящей на уровнѣ съ современнымъ ей состояніемъ знанія. «Школа хороша только тогда, когда она сознала тѣ основные законы, которыми живетъ народъ. Прекрасная школа степной русской деревни, удовлетворяющая всѣмъ потребностямъ своихъ учениковъ, будетъ весьма плохая школа для парижанина, и самая лучшая школа XVII вѣка будетъ самою дурною школой въ наше время; и наоборотъ: самая плохая школа среднихъ вѣковъ въ свое время была бы лучше самой лучшей школы въ наше время, ибо болѣе соотвѣтствовала своему времени».

Чтобы школа отвѣчала духу своего народа, чтобы она отвѣчала его нуждамъ, удовлетворяла его духовнымъ запросамъ, устроителямъ ея нужно хорошо знать свой народъ со стороны его духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ и запросовъ. Иначе говоря, нужно, чтобы *самъ народъ* указалъ, чему и какъ должны учить въ школахъ, предназначающихся для его дѣтей. Школа тогда только будетъ жизненна, тогда только прочно пуститъ корни въ народѣ, когда будетъ согласоваться съ его запросами. «Народная школа должна отвѣчать на потребности народа. Въ чемъ же состоятъ эти потребности, можетъ только отвѣтить изученіе ихъ и свободный опытъ». Чему учить въ народной школѣ,—опять-таки можетъ сказать только самъ народъ. «Но мы скажемъ, можетъ-быть,—продолжаетъ Толстой,—что намъ, высокообразованнымъ людямъ, не слѣдуетъ покоряться требованіямъ грубаго народа, намъ надо учить народъ, чего ему желать. Такъ думаютъ многіе, но на это могу сказать только одно: дайте твердое,

несомнѣнное основаніе, почему то или другое избрано вами; покажите мнѣ такое общество, въ которомъ бы не было двухъ діаметрально противоположныхъ воззрѣній на образованіе между высокообразованными, гдѣ бы не повторялось постоянно, что если попало образованіе въ руки духовенства — народъ образовываютъ въ одномъ духѣ, если же образованіе въ рукахъ прогрессистовъ—народъ образовываютъ въ другомъ духѣ,— покажите мнѣ такое общество, въ которомъ бы этого не было, и я соглашусь съ вами. До тѣхъ же поръ, пока этого нѣтъ, нѣтъ другого критеріума, какъ свобода учащагося, при чемъ на мѣсто учащихся дѣтей въ дѣлѣ народной школы становятся ихъ родители, т.-е. требованія народа».

Здѣсь умѣстно будетъ остановиться на взглядѣ Толстого на роль земства въ школьномъ дѣлѣ. Прежде всего онъ высказывается за приближеніе школы къ народу. Школы должны быть повсемѣстны. Пусть онѣ будутъ помѣщаться въ простыхъ крестьянскихъ избахъ, пусть онѣ будутъ бѣдны пособіями; если на то и другое не хватитъ средствъ, но нужно, чтобы онѣ были въ каждомъ населенномъ пунктѣ. «Народъ считаетъ для своего образованія первымъ необходимымъ условіемъ равномѣрное, по всѣмъ одинаковое разлитіе образованія, хотя въ самой низшей степени, а потомъ уже предполагаетъ дальнѣйшее, опять же равномѣрное поднятіе образованія. Земско-министерское же вѣдомство какъ будто считаетъ нужнымъ дать нѣкоторымъ счастливцамъ избраннымъ, $^1/_{20}$ всѣхъ, образованіе, какъ образчикъ того, какъ оно хорошо».

Высказываясь за предоставленіе народу права и возможности самому открывать и устраивать для себя школы, приспособлять школьныя помѣщенія, приглашать учителей, на земства и училищные совѣты, Толстой возлагаетъ лишь одну обязанность — слѣдить за педагогической стороной дѣла. По его плану, «въ каждомъ земствѣ, если оно взяло на себя обязанность распространенія и содѣйствія народному образованію, должно быть одно лицо, будетъ ли то безплатный членъ училищнаго совѣта или человѣкъ на жалованьи не менѣе 1.000 рублей, нанятый земствомъ,— одно лицо, завѣдывающее педагогической стороной дѣла въ уѣздѣ. Лицо это

должно имѣть общее свѣжее образованіе въ предѣлахъ гимназическаго курса, т.-е. основательно знать русскій и отчасти славянскій языкъ, основательно ариѳметику и алгебру и быть учителемъ, т.-е. знать практику учительскаго дѣла. Лицо это должно быть свѣже-образованное, потому что я замѣчалъ, что очень часто свѣдѣнія человѣка, давно кончившаго курсъ даже въ университетѣ, несмотря на свое образованіе, бываютъ недостаточны не только для руководства учителей, но даже и для экзамена въ сельской школѣ. Лицо это непремѣнно должно быть учителемъ въ той же самой мѣстности, для того, чтобы въ требованіяхъ своихъ и постановленіяхъ оно постоянно имѣло въ виду тотъ педагогическій матеріалъ, съ которымъ имѣютъ дѣло другіе учителя, и поддерживало въ себѣ то живое отношеніе къ дѣйствительности, которое есть главное средство противъ заблужденій и ошибокъ. Если какое земство не имѣетъ такого человѣка и не хочетъ нанять такого, то, по моимъ понятіямъ, такому земству дѣлать рѣшительно нечего относительно народнаго образованія, кромѣ того, какъ давать деньги, потому что всякое вмѣшательство въ административную часть дѣла (что дѣлается теперь) только вредно. Этотъ членъ земства или нанятой земствомъ образованный человѣкъ долженъ имѣть лучшую въ уѣздѣ образцовую школу съ помощникомъ. Кромѣ веденія этой школы и примѣненія въ ней всѣхъ новыхъ пріемовъ обученія, главный учитель этотъ долженъ слѣдить за остальными школами... Главный учитель объѣзжаетъ всѣ большія школы, собираетъ къ себѣ старшихъ учителей по воскресеньямъ, указываетъ имъ недостатки, предлагаетъ новые пріемы, даетъ совѣты и книги для ихъ собственнаго образованія и приглашаетъ ихъ по воскресеньямъ въ свою школу... Главный учитель, насколько у него есть времени, объѣзжаетъ и мелкія школы и приглашаетъ къ себѣ ихъ учителей; но обязанность слѣдить за мелкими учителями возлагается на старшихъ учителей, которые также объѣзжаютъ, каждый въ своемъ округѣ, эти школы и приглашаютъ учителей къ себѣ въ воскресенье и въ будни».

Съѣздамъ учителей и общенію ихъ между собою Толстой придавалъ огромное значеніе. «Съѣзды учителей и посѣщеніе учителями школъ равныхъ и лучшихъ есть одно

изъ главныхъ условій для успѣшнаго хода дѣла, и *потому на организацію этихъ съѣздовъ земство должно обратить особенное вниманіе и не жалѣть расходовъ.*

Есть указанія, что Толстой предпринималъ попытки учредить въ Ясной Полянѣ педагогическіе курсы. Съ этою цѣлью въ 1876 году онъ испросилъ у министра народнаго просвѣщенія разрѣшеніе на открытіе у себя въ имѣніи постоянныхъ педагогическихъ курсовъ въ видѣ частнаго учебнаго заведенія. Для ознакомленія съ практическими пріемами преподаванія должна была служить ясно-полянская школа. Самъ Л. Н. принималъ на себя постоянное наблюденіе за преподаваніемъ на этихъ курсахъ. Желая привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ и земство, Л. Н. обратился въ Тульское губернское земское собраніе сессіи 1876 года съ просьбой оказать ему пособіе на первоначальное обзаведеніе курсовъ классными принадлежностями и на жалованье главному преподавателю, второму учителю и законоучителю. Въ случаѣ удовлетворенія ходатайства уѣздныя земства Тульской губерніи имѣли право посылать до 50 человѣкъ на курсы безъ платы за обученіе и съ платой только за содержаніе учениковъ.

Губернское собраніе удовлетворило ходатайство Л. Н. и приняло предложеніе редакціонной комиссіи и управы произвести необходимые расходы на поддержку открываемыхъ имъ педагогическихъ курсовъ изъ процентовъ съ капитала на учительскую семинарію. Курсы, однако, открыты не были, и до сихъ поръ не выяснилась истинная причина этой неудачи. Объ этомъ, конечно, слѣдуетъ очень и очень пожалѣть, такъ какъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что ясно-полянскіе учительскіе курсы сказали бы педагогическому міру такъ же много новаго, оригинальнаго, заслуживающаго глубокаго вниманія, какъ это видимъ мы и въ практикѣ ясно-полянской школы.

Въ послѣдній періодъ своей дѣятельности, уже незадолго до смерти, Толстой снова возвращается къ учительскому вопросу. Теперь главную задачу учителя онъ видитъ прежде всего въ нравственномъ воздѣйствіи его на учащихся, въ неустанной проповѣди «основъ вѣчныхъ религіозныхъ истинъ и настоящей христіанской нравственности». Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ глубокаго вниманія одна изъ бесѣдъ его

съ народными учителями на тему — въ чемъ главная задача учителя, датированная сентябремъ 1909 года. Вотъ выдержки изъ этой бесѣды:

«Школьное дѣло такое, что оно можетъ быть не только не полезнымъ, но однимъ изъ самыхъ вредныхъ и дурныхъ дѣлъ, можетъ быть и самымъ пустячнымъ дѣломъ, можетъ быть и однимъ изъ самыхъ полезныхъ дѣлъ, которому могутъ посвятить свою жизнь люди.

«Пустячнымъ оно будетъ, когда учитель, не поддерживая существующее направленіе и не противодѣйствуя ему, ограничится однимъ внѣшнимъ, механическимъ обученіемъ ариѳметикѣ, грамматикѣ, орѳографіи.

«Полезнымъ и однимъ изъ самыхъ хорошихъ дѣлъ оно будетъ тогда, когда учитель, по мѣрѣ силъ своихъ, будетъ внушать дѣтямъ истинно нравственныя, основанныя на религіозныхъ христіанскихъ началахъ, убѣжденія и привычки.

«Когда я занимался въ своей школѣ, я поступалъ такъ:

«Прежде всего я прочитывалъ ученикамъ изъ Евангелія Матѳея XXII гл., ст. 35—40:

«И одинъ изъ нихъ, искушая Его, спросилъ, говоря:

«Учитель! какая наибольшая заповѣдь въ законѣ?

«Іисусъ сказалъ ему: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ.

«Сія есть первая и наибольшая заповѣдь.

«Вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя.

«На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки».

«Прочтя стихи эти, я просилъ ихъ повторить прочтенное. Лучшіе ученики повторяли сущность прочитаннаго.

«— Понятно? — спрашиваю.

«— Понятно.

«— Стало-быть, законъ Христовъ короткій и понятный. Какъ думаете: можно по немъ жить? Жить такъ, чтобы любить Бога и ближняго?

«— Отчего жъ, можно,—говорятъ нѣкоторые.

«— Что значитъ,—спрашиваю,—любить Бога?

«Большею частью молчатъ. Тогда я говорю имъ то, что сказано въ 1-мъ посланіи Іоанна о любви къ Богу. Читаю гл. IV, 20:

«Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ; ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видитъ?»

«Такъ и сказано (читаю IV гл., 8): «Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь».

«Стало - быть, любить Бога значитъ стараться быть въ любви со всѣми.

«Въ этомъ первая заповѣдь—любовь къ Богу.

«Вторая заповѣдь—любить ближняго—та же, что и первая, только съ той разницей, что она показываетъ, какъ надо любить ближняго. Сказано въ посланіи апостола Іоанна, что Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ.

«Любить Бога можетъ только тотъ, кто любитъ ближняго. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь.

«Любить ближняго надо какъ самого себя, то-есть не дѣлать другому, чего себѣ не хочешь, а дѣлать то, чего себѣ хочешь.

«— Понятно ли?—спрашиваю.

«Большей частью понимаютъ.

«— Въ этихъ заповѣдяхъ, какъ сказано въ Евангеліи, весь законъ, — продолжаю я. — И кто исполняетъ ихъ, тому хорошо жить на свѣтѣ, а кто не исполняетъ, тому плохо. Будемъ же стараться исполнять ихъ. Исполнять ихъ сначала кажется очень трудно. Но всякое дѣло дѣлается съ трудомъ и всякому дѣлу надо учиться. Для того, чтобы научиться исполнять эти заповѣди, надо, говорю, помнить четыре вещи: 1) Помнить про Бога и про законъ Его помнить — и когда одинъ самъ съ собой и когда съ людьми. 2) Не злиться на людей, не браниться, не ругаться, не осуждать, не думать худого о людяхъ. 3) Жалѣть тѣхъ, кто несчастенъ, — не только людей, но и скотовъ и животныхъ, — и не мучить ихъ, а помогать имъ. 4) Ничего не дѣлать такого, что заглушаетъ въ насъ совѣсть, то-есть памятованіе о Богѣ и законѣ Его.

«Чтобы помнить, говорю, про Бога и законъ Его, хорошо почаще молиться. И не только въ церкви, не только утромъ и вечеромъ, но и среди дня, особенно когда что-нибудь трудно, или самъ ослабѣлъ, вспомнить о Богѣ и сказать про себя молитву: «Господи помоги! Помоги мнѣ, чтобы не ошибиться, не сдѣлать плохого».

«И какъ только помолишься, такъ сейчасъ трудное облегчится, и если хотѣлъ сдѣлать дурное, удержишься.

«Второе, то, чтобы рукамъ воли не давать и не драться и также и языку воли не давать, не ругаться, особенно дурными словами. Помнить то, что и стыдно и глупо разумному человѣку ругаться безсмысленными дурными словами. Мало того, чтобы пріучаться не ругаться, надо пріучаться и за глаза не осуждать людей. А то мы ихъ судимъ, а они насъ судятъ, и добра отъ этого никакого, а только нелюбовь другъ къ дружкѣ.

«Третье, говорю, то, чтобы жалѣть не только людей, если они отъ чего-либо мучатся, и сколько можно помогать имъ, особенно безпомощнымъ дѣтямъ, старымъ, убогимъ, но жалѣть и скотину всякую и всякое животное, а не мучить или убивать ихъ для своей забавы. Перестанешь жалѣть скотину, звѣрей,—перестанешь жалѣть и людей, а перестанешь жалѣть людей, огрубѣетъ сердце и разучится любить, а это самое дорогое на свѣтѣ.

«Четвертое, говорю, то, чтобы не заглушать въ себѣ память и разумъ табакомъ, водкой. А то часто ребята балуются, чтобы быть похожими на старшихъ, да и привыкнутъ, а потомъ и сами не рады. И потому, хорошо смолоду заречься отъ табака, вина, отъ всего пьянаго. Зло въ томъ, что то самое, что дороже всего въ человѣкѣ — памятованіе о душѣ — заглушается этими зельями. Гдѣ бы вспомнилъ, подумалъ о душѣ, а накурился, напился и все забылъ и дѣлаешь то, чего съ свѣжей головой ни за что бы не сдѣлалъ.

«Когда бывали у меня постарше ребята, то я говорилъ имъ еще и о томъ, чтобы они береглись отъ всякихъ дурныхъ шутокъ съ дѣвушками, чтобы помнили, что всѣ дѣвушки имъ сестры, что только когда женишься, только тогда станетъ одна изъ сестеръ женою и на всю жизнь. Говорилъ

имъ о томъ, что отъ Бога вложенъ въ душу и мальчиковъ и дѣвочекъ *стыдъ* передъ этими дѣлами, и что стыдъ этотъ надо беречь и не позволять себѣ ничего такого, отъ чего стыдно.

«Заключаю такія разсужденія обыкновенно тѣмъ, что говорю, что во всѣхъ дѣлахъ одно нужно — то, чтобы жить любовно. Сказано, говорю, что Богъ есть любовь и что Богъ живетъ въ душахъ нашихъ, такъ, значитъ, и жить надо по-Божьи, по любви. Для того же, чтобъ жить по-Божьи, надо отстранять отъ себя все то, что мѣшаетъ такой жизни. А мѣшаетъ этому: 1) запамятованіе закона Христова — любви къ Богу и ближнему; 2) злоба, драки, ругательства, осужденіе; 3) то, что мы не жалѣемъ людей и скотовъ; 4) что одурманиваемся и заглушаемъ въ себѣ совѣсть, и 5) что нарушаемъ стыдъ между мальчиками и дѣвочками.

«Такія или подобныя поученія, я думаю, не только необходимы для учениковъ, но и обязательны для тѣхъ учителей, которые строго передъ Богомъ, передъ своей совѣстью смотрятъ на свое дѣло. Мѳ., гл. XVIII, ст. 6: «А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его во глубинѣ морской».

«Да, великій грѣхъ людей, взявшихся за дѣло образованія, просвѣщенія, если они хоть сколько-нибудь, по мѣрѣ силъ своихъ, не стараются исправить то ужасное зло обмана, совершаемаго надъ дѣтьми, когда имъ, не могущимъ даже представить себѣ повода, для какого могли бы старшіе люди обманывать ихъ, съ радостью и вѣрою принимаютъ отъ старшихъ въ свои воспріимчивыя, правдивыя сердца то, что имъ выдается за истину, когда это не только не истина, а коварная ложь, которая извратитъ всю ихъ послѣдующую жизнь. Ужасенъ грѣхъ этотъ. И потому было бы большимъ грѣхомъ и преступленіемъ, если бы вы, сельскіе учителя, не постарались, насколько это въ вашихъ силахъ, заложить въ воспріимчивыя, алчущія правды сердца порученныхъ вамъ дѣтей основы вѣчныхъ, религіозныхъ истинъ и настоящей христіанской нравственности, которая такъ легко воспринимается дѣтскими душами».

V.

Идя своимъ особымъ путемъ въ дѣлѣ теоретической разработки вопросовъ школьнаго дѣла и въ приложеніи ихъ на практикѣ, Л. Н., конечно, не могъ удовлетворяться ни современной ему школой съ ея укладомъ и обстановкой ни учебниками и руководствами, которые примѣнялись тогда въ школахъ. И онъ предпринимаетъ рѣшеніе создать свою азбуку и свои книги для класснаго чтенія. И здѣсь опять, какъ и въ каждомъ дѣлѣ Толстого, сказался его творческій геній. Классныя книги его, какъ извѣстно, получили у насъ широкое распространеніе и до сихъ поръ считаются лучшими при занятіяхъ первоначальнымъ обученіемъ родному языку. Исторія составленія этихъ книгъ настолько интересна, настолько поучительна для характеристики Толстого, какъ педагога, что мы позволяемъ себѣ привести здѣсь ее со словъ біографа его, г. Бирюкова.

Осенью 69 года Левъ Николаевичъ закончилъ и сдалъ въ печать 6-й томъ «Войны и мира» и почувствовалъ себя снова свободнымъ для новой дѣятельности.

На этотъ разъ онъ обратился снова къ педагогикѣ и со всей своей энергіей отдался этому дѣлу и снова создалъ «великое». Второй періодъ его педагогической дѣятельности имѣлъ характеръ вывода и приложенія тѣхъ данныхъ, которыя онъ добылъ въ первомъ періодѣ этой дѣятельности.

Занимаясь въ началѣ 60-хъ годовъ народными школами, Л. Н. долженъ былъ прекратить эту дѣятельность по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, его оригинальная и свободолюбивая дѣятельность вызвала подозрѣніе, и у него въ Ясной Полянѣ и въ другихъ подвѣдомственныхъ ему школахъ были сдѣланы обыски. Это произвело такой разгромъ, отъ котораго Л. Н. и близкіе ему люди долго не могли опомниться. Во-вторыхъ, переутомленный усиленной дѣятельностью Л. Н. заболѣлъ и долженъ былъ уѣхать лѣчиться, и, наконецъ, по возвращеніи изъ мѣстъ лѣченія онъ женился, и новыя условія жизни не позволили ему отдавать столько времени школьнымъ дѣламъ, и вся его организація распалась. Школы продолжали существовать, но великій духъ, оживлявшій

ихъ, отошелъ отъ нихъ и направилъ свою дѣятельность на другую область.

Такъ продолжалось до конца 60-хъ годовъ. За это время Л. Н., занятый другими дѣлами, хотя и не проявлялъ активнаго участія въ школьномъ дѣлѣ, тѣмъ не менѣе, внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ области народнаго образованія, и былъ далеко не удовлетворенъ всѣмъ происходившимъ. Это обстоятельство вызвало его къ новой критической переоцѣнкѣ практиковавшихся методовъ преподаванія, а также возбудило въ немъ желаніе дать свое руководство къ преподаванію, основанное на его личныхъ опытахъ.

Первымъ дѣломъ его было составленіе азбуки и хрестоматіи, т.-е. полнаго учебника русскаго языка для дѣтей и народа. Въ его записной книжкѣ 68 года мы уже находимъ первые наброски плана азбуки въ слѣдующемъ видѣ:

ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

АЗБУКА

(для семьи и школы).

СЪ НАСТАВЛЕНІЕМЪ УЧИТЕЛЮ.

Графа Л. Н. Толстого.

1868 г.

Затѣмъ въ той же записной книжкѣ набросанъ весь планъ азбуки перваго изданія, съ ариѳметикой, и даже приведенъ одинъ разсказъ, не вошедшій ни въ какое изданіе, а между тѣмъ представляющій несомнѣнный педагогическій интересъ по легкости слога и примѣнимости его къ дѣтскому пониманію и указывающій также на характеръ литературно-педагогической работы Л. Н. того времени, почему мы его здѣсь и приводимъ цѣликомъ.

«Когда ученикъ будетъ свободно соединять двухсложныя слова,—пишетъ Л. Н.,—онъ можетъ читать слѣдующее:

«Былъ одинъ мальчикъ, его звали Ваня. У него была мать и отецъ и маленькая сестра. Одинъ разъ Ваня вышелъ на дворъ и слышитъ, что въ саду что-то пищитъ. Ваня пошелъ въ садъ посмотрѣть и видитъ—въ канавѣ лежатъ три маленькихъ щенка. Два бѣлыхъ и одинъ бѣлый съ черными пятнами. Бѣлые щенки уже были мертвые, а пестрый еще былъ живъ. Онъ пищалъ. Ваня взялъ этого щенка и понесъ домой. А у Вани былъ отецъ. Отецъ увидалъ щенка и говоритъ: «Зачѣмъ ты принесъ щенка?» А Ваня говоритъ отцу: «Позволь мнѣ, пожалуйста, этого щенка держать въ этомъ домѣ. Мнѣ его жалко. Его братья умерли, и онъ умретъ, если его бросить. Я его буду кормить». И отецъ сказалъ: «Ну, хорошо». Ваня сталъ щенка кормить и назвалъ его Буянъ. Щенокъ скоро выросъ и сталъ большая собака, сильная и добрая.

«Одинъ разъ всѣ пошли спать, а Буянъ былъ на дворѣ. А воры пришли во дворъ и хотѣли украсть лошадей. Никто не видалъ воровъ, и они вошли въ конюшню. Вдругъ Буянъ залаялъ страшнымъ голосомъ и бросился въ конюшню. Въ домѣ всѣ проснулись, воры испугались и убѣжали.

«Отецъ позвалъ Ваню и говоритъ ему: «Я радъ, что ты взялъ Буяна. Безъ него лошади бы наши пропали. Я теперь ему позволю жить дома».

«И Ваня былъ очень радъ.

«Потомъ пошли одинъ разъ всѣ въ лѣсъ и взяли съ собой маленькую сестрицу Ванину и положили ее въ лѣсу спать. Вдругъ пришелъ волкъ и хотѣлъ схватить дѣвочку изъ люльки. А Буянъ услыхалъ, что идетъ волкъ, и спрятался за кустъ. Онъ не испугался, онъ хотѣлъ волка поймать. Волкъ думалъ, что его никто не видитъ. Вдругъ Буянъ выскочилъ изъ куста и сталъ грызть волка. Всѣ прибѣжали и избили волка. А волкъ укусилъ Буяна. Отецъ посмотрѣлъ и говоритъ: «Онъ укушенъ». И Ваня сталъ плакать. Отецъ позвалъ Ваню и говоритъ: «Я прежде любилъ Буяна за то, что онъ воровъ прогналъ, а теперь еще больше люблю: волкъ бы заѣлъ нашу дѣвочку, если бы Буянъ его не загрызъ». И всѣ стали Буяна ласкать. И Ваня очень былъ радъ.

«Потомъ пришла зима, и поѣхали всѣ на саняхъ въ городъ. Вдругъ пошелъ снѣгъ, сдѣлался вѣтеръ и морозъ, и они всѣ заблудились и не знали, что имъ дѣлать. Стало темно, и они искали дорогу и не могли отыскать. Отецъ и говоритъ: «Мы всѣ замерзнемъ. Надо Богу молиться». Ваня сталъ плакать. А Буянъ пришелъ къ Ванѣ и сталъ ему руки лизать. «Буянъ, надо намъ дорогу, а то мы пропадемъ». Буянъ замахалъ хвостомъ и побѣжалъ впередъ по снѣгу. Они поѣхали за нимъ и ѣхали-ѣхали, и Буянъ нашелъ дорогу и прямо привелъ ихъ въ городъ. И отецъ позвалъ Ваню и говоритъ: «Если бы Буянъ намъ не показалъ дороги, мы бы пропали. Вотъ твой Буянъ какая добрая, хорошая собака». И Ваня былъ очень радъ. Теперь мы его будемъ кормить самымъ лучшимъ и класть Буяна спать»...

Затѣмъ опять въ записной книжкѣ Л. Н. слѣдуютъ указанія на постепенное усвоеніе учениками различныхъ грамматическихъ формъ, правилъ правописанія и т. д.

Первое изданіе «Азбуки» въ 1872 г. представляетъ собою не что иное, какъ подробное развитіе плана, набросаннаго еще въ 1868 году, со включеніемъ въ него славянскаго чтенія и ариѳметики.

Мы останавливаемся нѣсколько дольше на исторіи этого труда, такъ какъ самъ Л. Н. придавалъ ему большое значеніе.

Въ 1868 году у Л. Н. гостилъ американскій консулъ Скайлеръ, написавшій интересныя воспоминанія о знакомствѣ своемъ съ Толстымъ.

Въ этихъ воспоминаніяхъ Скайлеръ говоритъ про Льва Николаевича:

«Онъ много разспрашивалъ меня о новыхъ методахъ, употребляемыхъ въ Америкѣ, и, по его просьбѣ, я могъ доставить ему—я думаю, благодаря любезности г. Гаррисона—изъ «Nation» хорошій выборъ американскихъ начальныхъ и элементарныхъ способовъ обученія чтенію. Въ одномъ изъ нихъ я помню, что произношеніе различныхъ гласныхъ и нѣкоторыхъ согласныхъ было представлено наглядно буквами, въ общемъ видѣ похожими на обыкновенныя буквы, но съ особенными отличительными перемѣнами, которыя тотчасъ бросались въ глаза. Эти книги Толстой пробовалъ

примѣнять при изготовленіи своей азбуки, на что онъ употребилъ много времени» [1]).

Послѣ вышеприведеннаго конспекта «Азбуки», записаннаго въ 1868 г., мы ни въ записныхъ книжкахъ ни въ письмахъ не находимъ никакихъ слѣдовъ работы до осени 1871 г.

Въ 1870 году онъ принялся за изученіе драмы, читаетъ Шекспира, Гёте, Мольера и собирается читать Софокла и Эврипида. Кромѣ того, онъ начинаетъ изучать греческій языкъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ одолѣваетъ его настолько, что читаетъ à livre ouvert Ксенофонта и, наконецъ, переутомляется и заболѣваетъ. Лѣтомъ совершаетъ поѣздку на кумысъ, въ Самарскую губернію, и только, вернувшись оттуда, осенью принимается за выполненіе задуманнаго плана азбуки и книгъ для чтенія.

Графиня Софья Андреевна пишетъ своей сестрѣ 20 сентября 1871 года:

«Мы теперь опять занялись дѣтскими книжками. Левочка пишетъ, а я съ Варей переписываю, идетъ очень хорошо».

Съ этихъ поръ онъ уже не прекращаетъ напряженнаго труда надъ азбукой въ теченіе цѣлаго года. Работа предстояла огромная. Кромѣ чисто литературной части, переводовъ, передѣлокъ и оригинальныхъ разсказовъ, Л. Н. задумалъ дать цѣлый рядъ научно-популярныхъ разсказовъ изъ естественныхъ наукъ и для этого просматривалъ массу учебниковъ, совѣтовался съ спеціалистами по каждому отдѣлу, самъ продѣлывалъ большую часть опытовъ, которые описывалъ.

Особенно увлекался онъ ариѳметикой, придумывая новыя упрощенныя объясненія разныхъ дѣйствій.

Предполагая помѣстить въ книгахъ для дѣтей астрономическія свѣдѣнія, онъ занялся астрономіей, увлекся ею и проводилъ цѣлыя ночи, наблюдая звѣздное небо.

Онъ изучалъ различные варіанты былинъ, и результатомъ этого изученія явились прекрасныя переложенія наиболѣе извѣстныхъ былинъ, помѣщенныхъ въ книжкахъ для чте-

---

[1]) Евг. Скайлеръ. Воспоминанія о Толстомъ. «Русская Старина», октябрь, 1890 г.

нія. Л. Н. особенно цѣнилъ сочиненіе о былинахъ Голохвастова.

Чтобы дать образцы славянскаго чтенія, онъ дѣлалъ выборки изъ лѣтописей и Четьи-Миней.

Всѣ эти образцы, объясненія и новые пріемы провѣрялись, кромѣ того, на практикѣ, такъ какъ онъ съ этою цѣлью завелъ снова школу, на этотъ разъ уже у себя дома. Въ этой школѣ обучались до 30 дѣтей, а учителями были онъ самъ и почти всѣ члены его семьи, даже старшія дѣти, которымъ было тогда 7 и 8 лѣтъ.

Вотъ что пишетъ объ этой школѣ Софья Андреевна своей сестрѣ Т. А.:

2 февраля 1872 года.

«Мы вздумали послѣ праздниковъ устроить школу, и теперь каждое послѣ обѣда приходитъ человѣкъ 35 дѣтей, и мы ихъ учимъ. Учитъ и Сережа, и Таня, и дядя Костя, и Левочка, и я. Это очень трудно учить человѣкъ 10 вмѣстѣ; но зато довольно весело и пріятно. Мы учениковъ раздѣлили: я взяла себѣ 8 дѣвочекъ и 2 мальчика. Таня и Сережа учатъ довольно порядочно, въ недѣлю всѣ знаютъ уже буквы и склады на слухъ. Учимъ мы ихъ внизу, въ передней, которая огромная, въ маленькой столовой подъ лѣстницей и въ новомъ кабинетѣ. Главное то побуждаетъ учить грамотѣ, что это такая потребность и съ такимъ удовольствіемъ и охотой они учатся всѣ».

10 марта 1872 года.

«У насъ все продолжается школа, идетъ хорошо, ребята дѣтямъ носятъ разныя деревенскія штучки: то деревяжки какія-то правильно нарѣзанныя, то жаворонки, сдѣланные изъ чернаго тѣста; послѣ классовъ таскаютъ Таню на рукахъ, иногда шалятъ, но почти всѣ выучились читать довольно бойко по складамъ».

6 апрѣля 1872 года.

«Каждое утро своихъ дѣтей учу, каждое послѣ обѣда школа собирается. Учить трудно, а бросить теперь уже жалко: такъ хорошо шло ученье, и всѣ читаютъ и пишутъ,

хотя не совсѣмъ хорошо, но порядочно. Еще поучить немного, и на всю жизнь не забудутъ».

Наконецъ съ такимъ трудомъ и увлеченіемъ составленная Азбука была готова, по крайней мѣрѣ, вчернѣ, и Л. Н. началъ ее печатать. Ему хотѣлось самаго широкаго публичнаго обсужденія предлагаемаго имъ метода, и онъ намѣревался представить свою Азбуку на предстоявшей педагогической выставкѣ въ Москвѣ, которая должна была открыться 30 мая 1872 года.

Но этотъ планъ не удался. Типографія задерживала печатаніе: въ немъ приходилось преодолѣвать множество техническихъ трудностей, какъ, напримѣръ, надстрочныя буквы, смѣшанные шрифты въ одномъ и томъ же словѣ, ариѳметическія таблицы и т. п. Такъ что за два мѣсяца работы къ началу выставки было набрано лишь 7 листовъ вмѣсто предполагавшихся 25—30.

Л. Н. былъ въ большомъ горѣ. Трудность работы увеличивалась, а между тѣмъ онъ снова сталъ чувствовать переутомленіе, ему необходимъ былъ отдыхъ, и никто не могъ замѣнить его въ этомъ дѣлѣ.

Изъ этой бѣды его выручилъ Н. Н. Страховъ, взявшійся продолжать печатаніе Азбуки въ Петербургѣ и держать ея корректуру, руководясь совѣтами и инструкціями Льва Николаевича.

По этому дѣлу между ними возникла обширная переписка, изъ которой мы приводимъ наиболѣе интересныя выдержки.

3 марта 1872 года, Ясная.

«Какъ мнѣ жалко, многоуважаемый Николай Николаевичъ, что мы такъ давно съ вами замолчали. Я, кажется, виною этого. Получивъ ваше письмо, мнѣ такъ захотѣлось побесѣдовать съ вами. И статей вашихъ не было до нынѣшней прекрасной о Дарвинѣ. Что вы дѣлаете? О себѣ не могу написать, что я дѣлаю,—слишкомъ длинно. Азбука занимала и занимаетъ меня, но не всего. Вотъ этотъ остатокъ-то и есть то, о чемъ я не могу написать, а хотѣлось бы побесѣдовать. Азбука моя кончена и печатается очень медленно и скверно у Риса, но я по своей привычкѣ все мараю и переписываю по 20 разъ».

О томъ же Л. Н. сообщаетъ и Фету:

«Азбука моя не даетъ мнѣ покоя для другого занятія. Печатаніе идетъ черепашьими шагами, и чортъ знаетъ, когда кончится, а я все еще прибавляю и измѣняю. Что изъ этого выйдетъ—не знаю, а положилъ я въ него всю душу».

При составленіи книги для чтенія Л. Н. захотѣлось дать образцы содержательныхъ, простыхъ, художественныхъ и доступныхъ дѣтямъ разсказовъ, и онъ исполнилъ это блестящимъ образомъ; объ этомъ прослышали редакторы журналовъ и стали одолѣвать Л. Н., выпрашивая дать что-нибудь напечатать. Л. Н. обѣщалъ нѣкоторымъ и сейчасъ же почувствовалъ на себѣ тяжесть этого обязательства. Одинъ разсказъ онъ обѣщалъ «Зарѣ», сотрудникомъ которой былъ Страховъ, и онъ въ томъ же письмѣ выражаетъ ему свои сомнѣнія насчетъ этого:

«Между нами будь сказано, это обѣщаніе меня стѣсняетъ, а пользы для «Зари» не будетъ. Это такъ ничтожно, и оговорка, что изъ Азбуки уничтожитъ все, что даже могло бы значить нуль. Если можно выхлопотать мнѣ свободу—очень одолжите. Если будетъ какое-нибудь достоинство въ статьяхъ Азбуки, то оно будетъ заключаться въ простотѣ и ясности рисунка и штриха, т.-е. языка; а въ журналѣ это странно и непріятно будетъ, точно не доконченное, какъ въ картинной галлереѣ какой бы ни было рисунки карандашомъ безъ тѣней».

Конечно, получивъ для «Зари» разсказъ Л. Н., Страховъ не замедлилъ выразить ему свой восторгъ, на что Л. Н. отвѣчалъ ему:

15 апрѣля 1872 года, Ясная.

«Письмо ваше очень порадовало меня, многоуважаемый Николай Николаевичъ. Будетъ съ меня и того, что вы меня такъ понимаете. А отъ публики я не только не жду сужденій, но боюсь, какъ бы не раскусили. Я нахожусь въ положеніи лѣкаря, старательно скрывшаго въ сладенькихъ пилюляхъ пользительное, по его мнѣнію, касторовое масло и только желающаго, чтобы никто не разболталъ, что это лѣкарство, чтобы проглотилъ, не думая о томъ, что тамъ есть. А оно ужъ подѣйствуетъ».

Разсказы изъ Азбуки, которые Л. Н. далъ напечатать, были: «Кавказскій плѣнникъ» въ «Зарѣ» (2, 1872) и «Богъ правду видитъ» въ «Бесѣдѣ» (3, 1872).

На новое предложеніе Страхова помѣстить одинъ изъ разсказовъ въ «Семейныхъ вечерахъ» Кашперовой, Л. Н. отвѣчаетъ уже съ раздраженіемъ:

«Что касается до Кашперовой, то я не только давать что-нибудь въ «Вечера» не намѣренъ, чтобы выручить свои деньги по 400 руб. за листъ, но только радуюсь уроку никогда не отвѣчать на редакторскія письма и прятать бумажникъ и серебряныя ложки въ присутствіи редакторовъ. Не обвиняйте меня за раздраженіе. Я раздраженъ на себя за то, что измѣнилъ своему правилу—не имѣть дѣла съ журналами и литературой. Я жду и желаю для полнаго своего пристыженія, чтобы оба разсказа, которыми я далъ поводъ разсуждать о себѣ умникамъ-журналистамъ и за которые я ничего не получилъ, были бы напечатаны въ хрестоматіяхъ, а моя бы Азбука не вышла. Такъ и будетъ».

Наконецъ въ маѣ Л. Н. обращается къ Страхову съ просьбой избавить его отъ тяготѣвшей надъ нимъ издательской работы, принять на себя его дѣло; вотъ что онъ пишетъ:

19 мая 1872 года.

Любезный Николай Николаевичъ!

«Великая къ вамъ просьба. Хочется сдѣлать кучу предисловій о томъ, какъ мнѣ совѣстно и т. д., но дѣло само за себя скажетъ. Если вамъ возможно и вы хотите мнѣ сдѣлать большое добро, вы сдѣлаете. Вотъ въ чемъ дѣло. Я давно кончилъ свою Азбуку, отдалъ печатать, и въ 4 мѣсяца печатаніе не только не кончилось, не началось и, видно, никогда не начнется и не кончится. Зимою я всегда зарабатываюсь и лѣтомъ кое-какъ оправляюсь, если не работаю. Теперь же корректуры, ожиданіе, вранье, поправки типографскія и свои измучили меня и обѣщаютъ мучить все лѣто. Я вздумалъ теперь взять это отъ Риса и печатать въ Петербургѣ, гдѣ, говорятъ, больше типографій и онѣ лучше. Возьметесь ли вы наблюдать за этой работой, т.-е. пріискать человѣка, который держалъ бы черновыя корректуры (тоже

за вознагражденіе). Только вамъ я бы могъ поручить эту работу такъ, чтобы самому уже не видать ее. Вознагражденіе вы опредѣлите сами такое, которое бы равнялось тому, что зарабатываете въ хорошее время. Время, когда печатать, вы опредѣлите сами. Для меня чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Листовъ печатныхъ будетъ около 50-ти. Если вы согласитесь, то сдѣлаете для меня такое одолженіе, значенія котораго не могу вамъ описать. Умственная и душевная работа моя по дѣлу этому кончилась, но, пока это не напечатано, я не могу спокойно взяться за другое дѣло, и оттого это мучитъ, томитъ меня. Благодарю васъ очень за корректуру статьи. Она мнѣ не понравилась въ печати, и я жалѣю, что напечаталъ и ту и другую. И забавно то, что ни тотъ ни другой журналы не платятъ мнѣ денегъ. Выгода та, что ужъ впередъ навѣрно никогда не отвѣчу ни на одно редакторское письмо. Не будете ли проѣзжать опять мимо Ясной? И нѣтъ ли надежды опять увидѣть васъ? Хорошо бы было».

Послѣ нѣсколькихъ колебаній, разъяснительныхъ и дополнительныхъ писемъ Страховъ согласился наблюдать за изданіемъ, на что Л. Н. отвѣчалъ ему радостнымъ письмомъ:

«...Письмо ваше, дорогой Николай Николаевичъ, такъ обрадовало меня, что жена увѣряла, что я вдругъ сдѣлался совсѣмъ другой и веселый. Мнѣ теперь вѣрится въ возможность окончанія этого дѣла».

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ писемъ съ подробными описаніями, инструкціями, поправками, посредствомъ которыхъ Л. Н. издали руководилъ въ высшей степени добросовѣстной работой Н. Н. Страхова.

Въ одномъ изъ этихъ писемъ (7 августа 1872 г.) Л. Н. пишетъ:

«Я до одурѣнія занимаюсь эти дни окончаніемъ ариѳметики. Умноженіе и дѣленіе кончены и кончаю дроби. Вы будете смѣяться надо мною, что я взялся не за свое дѣло, но мнѣ кажется, что ариѳметика будетъ лучшее въ книгѣ».

Въ своихъ письмахъ къ Страхову Л. Н. не скрывалъ отъ него, что, кромѣ особой любви и интереса къ этому дѣлу, онъ преслѣдуетъ и чисто-матеріальныя цѣли, надѣясь, что Азбука эта принесетъ ему доходъ, въ которомъ онъ нуждался,

такъ какъ заботился о доставленіи средствъ все увеличивающейся семьи.

Впрочемъ, большихъ иллюзій на этотъ счетъ онъ не питалъ; такъ, въ одномъ изъ писемъ, когда дѣло шло о продажѣ и назначеніи цѣны, онъ писалъ:

«Огромныхъ денегъ я не жду за книгу и даже увѣренъ, что, хотя и слѣдовало бы, ихъ не будетъ; первое изданіе разойдется сейчасъ же, а потомъ особенности книги разсердятъ педагоговъ, всю книгу растащутъ по хрестоматіямъ, и книга не пойдетъ. Имѣютъ свои судьбы книги, и авторы чувствуютъ эти судьбы. Такъ и вы знаете, что ваша книга хороша, и я это знаю, но вы чувствуете, что она не пойдетъ. Издавая «Войну и миръ», я знаю, что она исполнена недостатковъ, но знаю, что она будетъ имѣть тотъ самый успѣхъ, какой она имѣла, а теперь вижу очень мало недостатковъ въ Азбукѣ, знаю ея огромное преимущество надъ всѣми такими книгами и не жду успѣха, именно того, который должна имѣть учебная книга».

Сдавъ послѣдніе листы Азбуки въ печать, Л. Н. чувствуетъ себя снова свободнымъ и пишетъ Страхову благодарственное письмо:

30 сентября 1872 г. Ясная.

«Вы не можете себѣ представить, какъ я счастливъ теперь, спихнувъ съ себя эту работу, казавшуюся мнѣ столь важною. Боюсь, что покажется вамъ длинно. Какъ мнѣ ни жалко, даю вамъ carte blanche сократить въ отдѣлѣ примѣровъ сложенія и вычитанія. Напишите, какъ и когда теперь кончится все и вы будете свободны, меня не будетъ мучить совѣсть за васъ, и я, главное, васъ увижу. Дня не проходитъ, чтобы я по нѣскольку разъ не благословлялъ васъ за то, что вы для меня дѣлаете. Особенно теперь, когда я всѣ эти послѣдніе дни насилу удерживалъ потребность начать свою настоящую работу. Теперь, благодаря вамъ, я могу начать и забыть про Азбуку».

Приводимъ здѣсь интересный проектъ объявленія объ Азбукѣ, составленный самимъ Л. Н. и который вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ представленіе объ ея содержаніи:

«1 ноября выйдетъ Азбука гр. Л. Н. Толстого въ 4-хъ отдѣльныхъ книгахъ въ 160—180 страницъ каждая, содержащія: 1) Азбуку и руководство для обученія чтенію и письму. 2) Статьи для русскаго чтенія: басни, описанія, сказки, повѣсти и статьи научнаго содержанія (за исключеніемъ новыхъ переводовъ Эзопа и Геродота и нѣкоторыхъ басенъ, разсказовъ и сказокъ, содержаніе которыхъ заимствовано съ индійскаго, арабскаго, нѣмецкаго, англійскаго и народнаго, всѣ статьи русскаго чтенія написаны авторомъ для настоящей книги). 3) Руководство къ правописанію и грамматикѣ посредствомъ напечатанія особымъ шрифтомъ различныхъ грамматическихъ формъ. 4) Нѣкоторыя былины, изложенныя правильнымъ, по мнѣнію автора, русскимъ стихомъ. 5) Руководство для обученія славянскому языку съ объясненіями главныхъ грамматическихъ формъ. 6) Статьи для славянскаго чтенія съ русскимъ переводомъ: выбранныя мѣста изъ лѣтописи, житія изъ Четьи-Миней Макарія и Дмитрія Ростовскаго и изъ священнаго писанія. 7) Ариѳметика, отъ счисленія до дробей включительно, и 8) Руководство для учителя».

Наконецъ Азбука вышла, и вотъ отзывъ самого Л. Н. о ней въ письмѣ къ Страхову отъ 12 ноября 1872 г.:

«Азбука не идетъ, и ее разбранили въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», это меня почти не интересуетъ. Я такъ увѣренъ, что я воздвигъ памятникъ этой азбукой. Отъ Буняковскаго получилъ на 20 страницахъ письмо объ ариѳметикѣ. Онъ хвалитъ и критикуетъ, дѣльно въ томъ отношеніи, что я напрасно въ дробяхъ исключилъ всѣ прежніе пріемы».

Азбука и хрестоматія перваго изданія состояли изъ 4-хъ книгъ.

Каждая книга раздѣлена на части, и каждая часть—на отдѣлы.

Первая книга состоитъ изъ четырехъ частей. Первую часть составляетъ «Азбука» въ собственномъ смыслѣ слова, т.-е. алфавитъ, съ таблицей картинокъ на каждую букву, склады, фразы, составленныя изъ словъ, разложенныхъ на склады, и, наконецъ, коротенькіе разсказы, загадки, посло-

вицы и поговорки, служащіе упражненіемъ той или другой буквы, которая произносится не такъ, какъ пишется.

Особенность алфавита, предложеннаго Толстымъ, заключается въ томъ, что онъ даетъ особый, упрощенный рисунокъ буквъ, безъ утолщеній и тонкихъ штриховъ, для того, чтобы сложность рисунка не затрудняла запоминаніе главной фигуры.

Вторая часть книги состоитъ изъ цѣлаго ряда разсказовъ, раздѣленныхъ на четыре параграфа: разсказы перваго параграфа служатъ упражненіемъ въ произношеніи нѣкоторыхъ буквъ и слоговъ. Разсказы второго параграфа подобраны такъ, что даютъ упражненіе отдѣльно на каждый изъ знаковъ препинанія. Въ третьемъ параграфѣ помѣщены упражненія въ чтеніи стиховъ. Содержаніе всѣхъ этихъ разсказовъ очень разнообразно. Тамъ есть и пересказы басенъ Эзопа, разсказы изъ индійской, еврейской и арабской мудрости, разсказы историческіе, русскія народныя легенды, бытовыя картины и т. д.

Третья часть книги содержитъ въ себѣ упражненія въ церковно-славянскомъ языкѣ, обязательномъ для учениковъ русской школы, какъ языкѣ богослужебномъ, и состоитъ изъ образцовъ, заимствованныхъ изъ древнихъ лѣтописей, изъ Четьи-Миней, изъ Библіи, Ветхаго и Новаго завѣтовъ, и, наконецъ, нѣсколько употребительнѣйшихъ молитвъ.

Четвертая часть первой книги посвящена началамъ ариѳметики и знакомитъ учениковъ съ различными способами изображеній чиселъ; съ названіемъ цифръ и чиселъ по древне-славянской системѣ, по римскому, арабскому и по русскому способу счета, помощью «счетовъ».

Затѣмъ слѣдуютъ упражненія въ сложеніи, въ умѣ и на счетахъ.

Азбука Толстого въ томъ видѣ, въ какомъ она появилась въ 1872 году, въ настоящее время представляетъ библіографическую рѣдкость, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ она содержитъ въ себѣ много поучительнаго и цѣннаго. Особенно интересны тѣ указанія Толстого, которыя предназначалъ онъ для учителей.

«Для того, чтобы ученикъ учился хорошо, нужно,—читаемъ въ этихъ указаніяхъ,—чтобы онъ учился охотно; для того, чтобы онъ учился охотно, нужно:

«1) чтобы то, чему учатъ ученика, было понятно и занимательно и

«2) чтобы душевныя силы его были въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ.

«*Чтобы ученику было понятно и занимательно то, чему его учатъ,* избѣгайте двухъ крайностей: не говорите ученику о томъ, чего онъ не можетъ знать и понять, и не говорите о томъ, что онъ знаетъ не хуже, а иногда и лучше учителя. Для того, чтобы не говорить того, чего ученикъ не можетъ понять, избѣгайте всякихъ опредѣленій, подраздѣленій и общихъ правилъ. Всѣ учебники состоятъ только изъ опредѣленій, подраздѣленій и правилъ, а ихъ-то именно и нельзя сообщать ученику.

«Избѣгайте грамматическихъ и синтактическихъ опредѣленій и подраздѣленій частей и формъ рѣчи и общихъ правилъ. А заставляйте ученика видоизмѣнять формы словъ, не называя этихъ формъ и, главное, больше читать, понимая то, что онъ читаетъ, и больше писать изъ головы, и поправляйте его не на томъ основаніи, что то или другое противно правилу, опредѣленію или подраздѣленію, а на томъ основаніи, что непонятно, нескладно и неясно.

«По естественнымъ наукамъ избѣгайте классификаціи, предположеній о развитіи организмовъ, объясненій строенія ихъ, а давайте ученику какъ можно болѣе самыхъ подробныхъ свѣдѣній о жизни различныхъ животныхъ и растеній.

«По исторіи и географіи избѣгайте общихъ обзоровъ земель и историческихъ событій и подраздѣленій тѣхъ и другихъ. Ученику не могутъ быть занимательны историческіе и географическіе обзоры тогда, когда онъ не вѣритъ еще хорошенько въ существованіе чего-нибудь за видимымъ горизонтомъ, а о государствѣ, власти, войнѣ и законѣ, составляющихъ предметъ исторіи, не можетъ составить себѣ ни малѣйшаго понятія. Для того, чтобы онъ повѣрилъ въ географію и исторію, давайте ему географическія и историческія впечатлѣнія. Разсказывайте ученику съ величайшей подробностью про тѣ страны, которыя вы знаете, и про тѣ событія, историческія, которыя вамъ хорошо извѣстны.

«По космографіи избѣгайте сообщенія ученику объясненія (столь любимаго въ педагогіи) солнечной системы и вращенія и обращенія земли. Для ученика, ничего не знающаго о видимомъ движеніи небеснаго свода, солнца, луны, планетъ, о затменіяхъ, о наблюденіяхъ тѣхъ же явленій съ различныхъ точекъ земли, толкованіе о томъ, что земля вертится и бѣгаетъ, не есть разъясненіе вопроса и объясненіе, а есть безъ всякой необходимости доказываемая безсмыслица. Ученикъ, полагающій, что земля стоитъ на водѣ и рыбахъ, судитъ гораздо здравѣе, чѣмъ тотъ, который вѣритъ, что земля вертится, и не умѣетъ этого понять и объяснить. Сообщайте какъ можно больше свѣдѣній о видимыхъ явленіяхъ неба, о путешествіяхъ и давайте ученику только такія объясненія, которыя онъ самъ можетъ провѣрить на видимыхъ явленіяхъ.

«Въ ариѳметикѣ избѣгайте сообщенія опредѣленій и общихъ правилъ, упрощающихъ счетъ. Ни на чемъ такъ не замѣтенъ вредъ сообщенія общихъ правилъ, какъ на математикѣ. Чѣмъ короче тотъ путь, посредствомъ котораго вы научите ученика дѣлать дѣйствіе, тѣмъ хуже онъ будетъ понимать и знать дѣйствіе.

«Самое короткое счисленіе есть десятичное—оно и самое трудное. Самый короткій пріемъ сложенія—начинать съ меньшихъ разрядовъ и приписывать одну изъ полученныхъ цифръ къ слѣдующему разряду есть вмѣстѣ и самый непонятный пріемъ: нѣтъ ничего легче, какъ научить ученика при вычитаніи считать за 9 всякій 0, черезъ который онъ перескочитъ занимая, или научить приведенію къ одному знаменателю посредствомъ помноженія крестъ-накрестъ, но ученикъ, выучившій эти правила, уже долго не пойметъ, почему это такъ дѣлается.

«Избѣгайте всѣхъ ариѳметическихъ опредѣленій и правилъ, а заставляйте производить какъ можно больше дѣйствій и поправляйте не потому, что сдѣлано не по правилу, а потому, что сдѣланное не имѣетъ смысла.

«Избѣгайте весьма любимаго (особенно въ иностранныхъ книгахъ для школъ) сообщенія необычайныхъ результатовъ, до которыхъ дошла наука, въ родѣ того: сколько вѣситъ земля, солнце, изъ какихъ тѣлъ состоитъ солнце, какъ изъ ячеекъ строится дерево и человѣкъ и какія необыкновенныя

машины выдумали люди. Не говоря уже о томъ, что, сообщая такія свѣдѣнія, учитель внушаетъ ученику мысль, что наука можетъ открыть человѣку много тайнъ, въ чемъ умному ученику слишкомъ скоро придется разочароваться,—не говоря объ этомъ, голые результаты вредно дѣйствуютъ на ученика и пріучаютъ его вѣрить на слово.

«Избѣгайте непонятныхъ русскихъ словъ, не соотвѣтствующихъ понятію или имѣющихъ два значенія, и особенно иностранныхъ. Старайтесь замѣнять ихъ словами, хотя и длиннѣйшими, хотя даже и не столь точными, но такими, которыя въ умѣ ученика возбуждали бы соотвѣтствующія понятія.

«Вообще избѣгайте такихъ оборотовъ: это такъ-то называется, это такъ-то, а старайтесь называть каждую вещь, какъ ей слѣдуетъ называться.

«Вообще давайте ученику какъ можно больше свѣдѣній и вызывайте его на наибольшее число наблюденій по всѣмъ отраслямъ знанія, но какъ можно меньше сообщайте ему общихъ выводовъ, опредѣленій, подраздѣленій и всякой терминологіи.

«Сообщайте опредѣленіе, подраздѣленіе, правило, названіе только тогда, когда ученикъ имѣетъ столько свѣдѣній, что самъ въ состояніи провѣрить общій выводъ, когда общій выводъ не затрудняетъ, а облегчаетъ его.

«Другая причина, по которой урокъ бываетъ непріятенъ и незанимателенъ, заключается въ томъ, что учитель объясняетъ слишкомъ длинно и сложно то, что давно уже понялъ ученикъ. Ученику такъ просто, что ему сказали, что онъ ищетъ особеннаго, другого значенія, и понимаетъ ошибочно или ужъ вовсе не понимаетъ.

«Такого рода толкованія обыкновенны, въ особенности когда предметы уроковъ взяты изъ жизни. Напримѣръ, когда учитель начнетъ толковать ученику, что такое столъ, или какое животное лошадь, или чѣмъ отличается книга отъ руки, или одно перо и одно перо—сколько будетъ перьевъ?

«Вообще толкуйте ученику то, чего онъ не знаетъ, и то, что вамъ самимъ было бы занимательно узнать, если бы вы не знали. При соблюденіи всѣхъ этихъ правилъ часто случится, что ученикъ все-таки не будетъ понимать. На это бу-

дутъ двѣ причины. Или ученикъ уже думалъ о томъ предметѣ, о которомъ вы толкуете, и объяснилъ его себѣ посвоему. Тогда старайтесь вызвать ученика на объясненіе его взгляда и, если онъ не вѣренъ, опровергните его, а если вѣренъ, то покажите ему, что вы и онъ видите предметъ одинаково, но съ различныхъ сторонъ.

«Или же ученикъ не понимаетъ оттого, что ему еще не пришло время. Это особенно замѣтно въ ариѳметикѣ. То, надъ чѣмъ вы тщетно бились по цѣлымъ часамъ, становится вдругъ ясно въ минуту черезъ нѣсколько времени. Никогда не торопитесь, переждите, возвращайтесь къ тѣмъ же толкованіямъ.

«*Для того, чтобы душевныя силы ученика были въ наивыгоднѣйшихъ условіяхъ*, нужно:

«1) чтобы не было новыхъ, непривычныхъ предметовъ и лицъ тамъ, гдѣ онъ учится;

«2) чтобы ученикъ не стыдился учителя или товарищей;

«3) (очень важное) чтобы ученикъ не боялся наказанія за дурное ученіе, т.-е. за непониманіе. Умъ человѣка можетъ дѣйствовать только тогда, когда онъ не подавляется внѣшними вліяніями;

«4) чтобы умъ не утомлялся. Опредѣлить число часовъ или минутъ, послѣ котораго умъ ученика утомляется,—невозможно ни для какого возраста, но для внимательнаго учителя всегда есть вѣрные признаки утомленія. Какъ скоро умъ утомленъ, заставьте ученика дѣлать физическое движеніе. Лучше ошибиться и отпустить ученика, когда онъ еще не утомленъ, чѣмъ ошибиться въ обратномъ смыслѣ и задержать ученика, когда онъ утомленъ.

«Тупикъ, столбнякъ, упрямство происходятъ только отъ этого;

«5) чтобы урокъ былъ соразмѣренъ силамъ ученика, не слишкомъ легокъ, не слишкомъ труденъ.

«Если урокъ будетъ слишкомъ труденъ, ученикъ потеряетъ надежду исполнить заданное, займется другимъ и не будетъ дѣлать никакихъ усилій; если урокъ слишкомъ легокъ, будетъ то же самое. Нужно стараться, чтобы все вниманіе ученика могло быть поглощено заданнымъ урокомъ. Для этого давайте ученику такую работу, чтобы каждый урокъ чувствовался ему шагомъ впередъ въ ученіи.

«Чѣмъ легче учителю учить, тѣмъ труднѣе ученикамъ учиться. Чѣмъ труднѣе учителю, тѣмъ легче ученику. Чѣмъ больше будетъ учитель самъ учиться, обдумывать каждый урокъ и соразмѣрять съ силами ученика, чѣмъ больше будетъ слѣдить за ходомъ мысли ученика, чѣмъ больше вызывать на отвѣты и вопросы, тѣмъ легче будетъ учиться ученикъ.

«Чѣмъ больше будетъ ученикъ предоставленъ самому себѣ и занятіямъ, не требующимъ вниманія учителя: переписыванію, диктованію, чтенію вслухъ безъ пониманія, заучиванію стиховъ, тѣмъ труднѣе будетъ ученику.

«Но если учитель положитъ и всѣ силы на свое дѣло, то все-таки онъ не только со многими учениками, но и съ однимъ ученикомъ будетъ постоянно чувствовать, что онъ далеко не исполняетъ того, что нужно.

«Для того, чтобы, несмотря на это всегдашнее недовольство собою, имѣть сознаніе приносимой пользы, нужно имѣть одно качество. Это же качество восполняетъ и всякое искусство учительское и всякое приготовленіе, ибо съ этимъ качествомъ учитель легко пріобрѣтетъ недостающее знаніе.

«Если учитель во время трехчасового урока не чувствовалъ ни минуты скуки, онъ имѣетъ это качество.

«Качество это есть любовь. Если учитель имѣетъ только любовь къ дѣлу, онъ будетъ хорошій учитель. Если учитель имѣетъ только любовь къ ученику, какъ отецъ, мать, онъ будетъ лучше того учителя, который прочелъ всѣ книги, но не имѣетъ любви ни къ дѣлу ни къ ученикамъ.

«Если учитель соединяетъ въ себѣ любовь къ дѣлу и къ ученикамъ, онъ—совершенный учитель» [1]).

2-я, 3-я и 4-я книги расположены по тому же плану, какъ и первая, за исключеніемъ азбуки, составляющей 1-ю часть перваго тома, и состоятъ поэтому каждая изъ трехъ частей. 1-я часть заключаетъ въ себѣ статьи для постепеннаго чтенія, 2-я—упражненія въ чтеніи на церковно-славянскомъ языкѣ и 3-я—ариѳметику. Каждая книга заключается наставленіями для учителей; наиболѣе интересны наставленія по преподаванію ариѳметики.

---

[1]) «Азбука» гр. Л. Н. Толстого. Спб., 1872 г. Кн. I, стр. 180.

Мы считаемъ своимъ долгомъ остановить вниманіе читателя на ариѳметическомъ методѣ Л. Н., такъ какъ въ немъ есть много оригинальнаго.

Главная цѣль преподаванія ариѳметики, преслѣдуемая Л. Н., — это сознательное отношеніе ученика къ числу во всѣхъ его комбинаціяхъ, въ разложеніи и составленіи его всевозможными способами, какъ наглядными, такъ и умственными. Для нагляднаго обученія Л. Н. широко пользуется русскими счетами, производя на нихъ всевозможные примѣры счисленія, сложенія и вычитанія. Для умственнаго упражненія и для полнаго сознательнаго усвоенія состава числа Л. Н. вводитъ въ преподаваніе начальной ариѳметики различныя системы счисленія, кромѣ десятичной, производя всѣ четыре дѣйствія съ помощью этихъ различныхъ системъ. Такъ, напримѣръ:

Сложить: 35204 и 45120 по 6-ричной системѣ, т.-е. когда единица каждаго разряда не въ 10, а въ 6 разъ больше единицы низшаго разряда.

$$\begin{array}{r} 6 \\ 35204 \\ + \ 45120 \\ \hline 124324 \end{array}$$ [1])

Давъ понятіе о десятичныхъ дробяхъ, какъ о продолженіи десятичнаго счисленія послѣ запятой, и пройдя затѣмъ цѣлый рядъ упражненій въ различныхъ системахъ счисленія, Л. Н. подходитъ къ простымъ дробямъ, разсматривая ихъ, какъ частные случаи различныхъ системъ счисленія, подходя такимъ образомъ къ нимъ съ совершенно новой, неожиданной стороны и давая новое обобщеніе цѣлыхъ и дробныхъ чиселъ.

Вотъ этотъ замѣчательный переходъ:

«Цѣлыя числа всегда считаются въ десятичномъ счисленіи, и рѣдко въ другомъ счисленіи, а дроби рѣдко считаются въ десятичномъ счисленіи, и почти всегда въ разныхъ счисленіяхъ.

«Дроби въ десятичномъ счисленіи пишутъ такъ:

«0,35 (35 сотыхъ), 1,017 (одна цѣлая и 17 тысячныхъ) и т. д.

[1]) Тамъ же, кн. 4, стр. 186 и слѣд.

«А дроби въ разныхъ счисленіяхъ пишутъ такъ: наверху пишутъ число, а внизу то, въ какомъ оно счисленіи, и это нижнее число зовется знаменателемъ.

«А самое число, что пишется наверху, зовется числителемъ» [1]).

Тотъ же методъ различныхъ системъ счисленія проведенъ Л. Н. съ большой послѣдовательностью и въ дѣйствіяхъ надъ дробями и въ приведеніи дробей къ одному знаменателю.

Азбука Л. Н., конечно, вызвала не мало критическихъ статей; какъ всегда, въ этихъ статьяхъ было много противорѣчивыхъ сужденій, часто взаимно уничтожающихъ, но почти всѣ они сходились на одномъ — осужденіи предложеннаго Львомъ Николаевичемъ способа обученія чтенію, который они считали допотопнымъ, способомъ азовъ и т. д.—и негодовали за отверженіе новаго звукового метода, который въ то время уже началъ распространяться въ русскихъ школахъ».

VI.

Въ первый періодъ своей педагогической дѣятельности Толстой рѣзко отдѣлялъ воспитаніе отъ образованія, даже противополагая ихъ одно другому. «Воспитаніе есть принудительное, насильственное воздѣйствіе одного лица на другое съ цѣлью образовать такого человѣка, который намъ кажется хорошимъ, а образованіе есть свободное отношеніе людей, имѣющее своимъ основаніемъ потребность одного пріобрѣтать свѣдѣнія, а другого — сообщать уже пріобрѣтенное имъ. Преподаваніе, есть средство какъ образованія, такъ и воспитанія. Различіе воспитанія отъ образованія только въ насиліи, право на которое признаетъ за собой воспитаніе. Воспитаніе есть образованіе насильственное, образованіе свободное». Сообразно съ этимъ взглядомъ, Толстой утверждалъ, что «школа должна имѣть одну цѣль— передачу свѣдѣній, знанія, не пытаясь переходить въ нравственную область убѣжденій, вѣрованія и характера; цѣль ея должна быть одна наука, а не результаты ея вліянія на

[1]) Тамъ же, стр. 189.

человѣческую личность. Школа не должна пытаться предвидѣть послѣдствій, производимыхъ наукой, а, передавая ее, должна предоставлять полную свободу ея примѣненія».

И дальше: «Наука есть наука и ничего не носитъ въ себѣ. Воспитательный же элементъ лежитъ въ преподаваніи наукъ, въ любви учителя къ ученику. *Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку и знай ее, и ученики полюбятъ и тебя и науку, и ты воспитаешь ихъ; но если самъ не любишь ея, то сколько бы ты ни заставлялъ учить, наука не произведетъ воспитательнаго вліянія.* И тутъ опять одно мѣрило, одно спасеніе, опять та же свобода учениковъ слушать или не слушать учителя, воспринимать или не воспринимать его воспитательное вліяніе, т.-е. имъ однимъ рѣшить, знаетъ ли онъ и любитъ ли свою науку».

Итакъ, школа не должна вмѣшиваться въ воспитаніе. Чѣмъ же будетъ она, разъ за ней не будетъ признано этого права?

«Всестороннею и самою разнообразною сознательной дѣятельностью одного человѣка на другого съ цѣлью передачи знаній, не принуждая учащагося ни прямо насильственно ни дипломатически воспринимать то, что намъ хочется. Школа не будетъ, можетъ-быть, школа, какъ мы ее понимаемъ, съ досками, лавками, каѳедрами учительскими или профессорскими, она, можетъ-быть, будетъ раекъ, театръ, библіотека, музей, бесѣда; сводъ наукъ, программы, можетъ-быть, вездѣ сложатся совсѣмъ другія». Нѣсколько раньше Л. Н. даетъ такое опредѣленіе школы: «Подъ словомъ «школа» я разумѣю не домъ, въ которомъ учатся, не учителей, не учениковъ, не извѣстное направленіе ученія, но подъ словомъ «школа» я разумѣю въ самомъ общемъ смыслѣ *сознательную дѣятельность образовывающаго на образовывающихся*, т.-е. одну часть образованія, все равно, какъ бы ни выражалась эта дѣятельность: ученіе артикулу рекрутъ есть школа, чтеніе публичныхъ лекцій—школа, чтеніе курса въ магометанскомъ училищѣ—школа, собраніе музеума и открытіе его для желающихъ—также школа».

Впослѣдствіи Л. Н. измѣнилъ свой взглядъ на воспитаніе. Совсѣмъ недавно (въ 1909 году) въ письмѣ къ В. Булгакову онъ пишетъ: «Очень можетъ быть, что въ моихъ

статьяхъ о воспитаніи и образованіи давнишнихъ и послѣднихъ окажутся и противорѣчія и нелѣпости. Я просмотрѣлъ ихъ и рѣшилъ, что мнѣ, да и вамъ, я думаю, будетъ легче, если я, не стараясь отстаивать прежде сказаннаго, прямо выскажу то, что я теперь думаю объ этихъ предметахъ. Это для меня будетъ тѣмъ легче, что въ послѣднее время эти самые предметы занимаютъ меня.

Во-первыхъ, скажу, что то раздѣленіе, которое я въ своихъ тогдашнихъ педагогическихъ статьяхъ дѣлалъ между воспитаніемъ и образованіемъ, искусственно. И воспитаніе и образованіе нераздѣльны. Нельзя воспитывать, не передавая знанія; всякое же знаніе дѣйствуетъ воспитательно. И потому, не касаясь этого подраздѣленія, буду говорить объ одномъ образованіи: о томъ, въ чемъ, по моему мнѣнію, заключаются недостатки существующихъ пріемовъ образованія и какимъ оно, по моему мнѣнію, должно бы быть, и почему именно такимъ, а не инымъ».

Далѣе Л. Н. излагаетъ свой взглядъ на задачи образованія на то, какимъ оно должно быть, чтобы наиболѣе совершенно содѣйствовать человѣчеству въ его стремленіи къ общему благу. Это разсужденіе Л. Н. представляетъ собой конечный выводъ, къ которому пришелъ онъ въ столь важномъ вопросѣ, какимъ является вопросъ о воспитаніи.

Мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ.

«То, что свобода есть необходимое условіе всякаго истиннаго образованія, какъ для учащихся, такъ и для учащихъ, я признаю, какъ и прежде, т.-е. что и угрозы наказаній и обѣщанія наградъ (правъ и т. п.), обусловливающія пріобрѣтеніе тѣхъ или иныхъ знаній, не только не содѣйствуютъ, но болѣе всего мѣшаютъ истинному образованію.

«Думаю, что ужъ одна такая полная свобода, т.-е. отсутствіе принужденія и выгодъ какъ для обучаемыхъ, такъ и для обучающихъ, избавила бы людей отъ большой доли тѣхъ золъ, которыя производитъ теперь принятое вездѣ принудительное и корыстное образованіе. Отсутствіе у большинства людей нашего времени какого бы то ни было религіознаго отношенія къ міру, какихъ-либо твердыхъ нравственныхъ правилъ, ложный взглядъ на науку, на общественное устрой-

ство, въ особенности на религію, и всѣ вытекающія изъ этого губительныя послѣдствія, — все это порождаемо въ большей степени насильственными и корыстными пріемами образованія.

«И потому для того, чтобы образованіе было плодотворно, т.-е. содѣйствовало бы движенію человѣчества къ все большему и большему благу, нужно, чтобы образованіе было свободно. Для того же, чтобы образованіе, будучи свободно какъ для учащихъ, такъ и для учащихся, не было собраніемъ произвольно выбранныхъ, ненужныхъ, несвоевременно передаваемыхъ и даже вредныхъ знаній, нужно, чтобы у обучающихся, такъ же, какъ и у обучаемыхъ, было общее и тѣмъ и другимъ основаніе, вслѣдствіе котораго избирались бы для изученія и для преподаванія наиболѣе нужныя для разумной жизни людей знанія и изучались бы и преподавались въ соотвѣтственныхъ ихъ важности размѣрахъ. Такимъ основаніемъ всегда было и не можетъ быть ничто другое, какъ одинаково свободно признаваемое всѣми людьми общества, какъ обучающимися, такъ и обучающими, пониманіе смысла и назначенія человѣческой жизни, т.-е. религія.

«Такъ это было прежде, такъ это есть и теперь тамъ, гдѣ люди соединены однимъ общимъ религіознымъ пониманіемъ жизни и вѣрятъ въ него. Такъ это было и сотни лѣтъ тому назадъ въ христіанскомъ мірѣ, когда всѣ люди, за малыми исключеніями, вѣрили въ церковную христіанскую вѣру. Тогда у людей было твердое, общее всѣмъ основаніе для выбора предметовъ знанія и распредѣленія ихъ, и потому не было никакой нужды въ принудительномъ образованіи.

«Такъ это было за сотни лѣтъ. Но въ наше время такой общей большинству людей христіанскаго міра вѣры уже нѣтъ; въ наше время самое вліятельное сословіе людей науки, руководящее общественнымъ мнѣніемъ, не признавая христіанства въ томъ видѣ, въ которомъ оно преподается церквами, не вѣритъ уже ни въ какую религію. Мало того, такъ называемые эти передовые люди нашего времени вполнѣ увѣрены въ томъ, что всякая религія есть нѣчто отсталое, пережитое, когда-то бывшее нужнымъ человѣчеству, теперь же составляющее только препятствіе для его прогресса, и

старательно прямыми и обходными пріемами увѣряютъ въ этомъ слѣпо вѣрящее имъ молодое поколѣніе, стремящееся къ образованію . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

«Такъ что въ наше время и въ нашемъ мірѣ, при отсутствіи какой бы то ни было общей большинству людей религіи, т.-е. пониманія смысла и назначенія человѣческой жизни, т.-е. при отсутствіи основы образованія, невозможенъ какой бы то ни было опредѣленный выборъ знаній и распредѣленіе ихъ.

«Количество предметовъ знанія безконечно, и такъ же безконечно то совершенство, до котораго можетъ быть доведено каждое знаніе.

«Сравнить область знанія можно съ выходящими изъ центра сферы безконечнаго количества радіусовъ, могущими до безконечности быть удлиненными.

«И потому совершенство въ дѣлѣ образованія достигается не тѣмъ, чтобы учащіеся усвоили очень многое изъ случайно избранной области знанія, а тѣмъ, чтобы, во-первыхъ, изъ безконечнаго количества знаній прежде всего были переданы учащимся знанія самыхъ важныхъ и нужныхъ предметовъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, чтобы знанія эти были доведены до относительно одинаковой степени, такъ чтобы передаваемыя знанія, подобно одинаковой длинѣ и одинаково равномѣрно другъ отъ друга отдѣленнымъ радіусамъ, опредѣляющимъ сферу, составляли бы гармоничное цѣлое.

«Такой выборъ знаній и такое распредѣленіе ихъ было возможно въ европейскомъ мірѣ, пока люди вѣрили въ ту какую бы то ни было форму христіанской религіи, которая соединяла ихъ. Теперь же, когда у большинства вѣры этой уже нѣтъ, вопросъ о томъ, какія знанія вообще полезны, какія могутъ быть вредны, какія нужны прежде, какія послѣ и до какой степени должны быть доводимы тѣ или другія, уже не имѣетъ никакого основанія для своего рѣшенія, и рѣшается какъ попало и совершенно произвольно тѣми людьми, которые имѣютъ возможность насильственно передавать тѣ или иныя знанія,— вопросъ рѣшается такъ, какъ это для нихъ въ данное время наиболѣе удобно и выгодно.

«Вслѣдствіе этого-то и произошло въ нашемъ обществѣ то удивительное явленіе, что, продолжая сравненіе со сферой, въ нашемъ обществѣ знанія распредѣляются не только не равномѣрно, но въ самыхъ уродливыхъ соотношеніяхъ: нѣкоторые радіусы достигаютъ самыхъ большихъ размѣровъ, другіе же вовсе не обозначены. Такъ, напримѣръ, люди пріобрѣтаютъ знанія о разстояніяхъ, плотности, движеніяхъ на милліарды верстъ отъ насъ отстоящихъ звѣздъ, о жизни микроскопическихъ животныхъ, о воображаемомъ происхожденіи организмовъ, о грамматикѣ древнихъ языковъ и тому подобномъ вздорѣ, а не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ живутъ и жили ихъ братья — люди, не только отдѣленные отъ нихъ морями и тысячами миль и вѣками, но и люди, живущіе сейчасъ съ ними рядомъ въ сосѣднемъ государствѣ: чѣмъ питаются, какъ одѣваются, что работаютъ, какъ женятся, воспитываютъ дѣтей, каковы ихъ обычаи, привычки и, главное, вѣрованія. Люди узнаютъ въ школахъ все объ Александрѣ Македонскомъ и Людовикѣ XIV и его любовницахъ, знаютъ о химическомъ составѣ тѣлъ, объ электричествѣ, радіи, о цѣлыхъ такъ называемыхъ «наукахъ», о правѣ и теологіи, подробно знаютъ о повѣстяхъ и романахъ, написанныхъ разными, считающимися «великими» писателями, и т. п., знаютъ о совершенно ни на что ненужныхъ и скорѣе вредныхъ пустякахъ, а ничего не знаютъ о томъ, какъ понимали и понимаютъ смыслъ своей жизни и какія признавали и признаютъ правила жизни милліарды живших и живущихъ людей нехристіанскаго міра, то-есть двѣ трети всего человѣчества.

«Отъ этого-то и происходитъ въ нашемъ мірѣ то удивительное явленіе, что люди, считающіеся среди насъ самыми образованными, суть, въ сущности, люди самые невѣжественные, знающіе множество того, чего никому не нужно знать, и не знающіе того, что прежде всего нужно знать всякому человѣку. И мало того, что люди эти грубо невѣжественны, они еще и безнадежно невѣжественны, такъ какъ вполнѣ увѣрены, что они очень ученые, образованные люди, т.-е. знаютъ все то, что, по ихъ понятіямъ, нужно знать человѣку.

«Происходитъ это удивительное и печальное явленіе отъ того, что въ нашемъ называемомъ христіанскимъ мірѣ не только опущенъ, но отрицается тотъ главный предметъ преподаванія, безъ котораго не можетъ быть осмысленнаго пріобрѣтенія какихъ бы то ни было знаній. Опущена и отрицается необходимость религіознаго и нравственнаго преподаванія, т.-е. передачи молодымъ поколѣніямъ учащихся тѣхъ, съ самыхъ древнихъ временъ данныхъ мудрѣйшими людьми міра, отвѣтовъ на неизбѣжно стоящіе передъ каждымъ человѣкомъ вопросы: первый — что я такое, какое отношеніе мое, моей отдѣльной жизни ко всему безконечному міру, и второй — какъ мнѣ сообразно съ этимъ моимъ отношеніемъ къ міру жить, что дѣлать и чего не дѣлать.

«Отвѣты же на эти два вопроса—религіозное ученіе, общее всѣмъ людямъ, и вытекающее изъ него ученіе нравственности, тоже одинаковое для всѣхъ народовъ, — отвѣты эти, долженствующіе составлять главный предметъ всякаго образованія, воспитанія и обученія, отсутствуютъ совершенно въ образованіи христіанскихъ народовъ. И еще хуже, чѣмъ отсутствуютъ: замѣняются въ нашемъ обществѣ самымъ противнымъ истинному религіозному и нравственному обученію собраніемъ грубыхъ суевѣрій и плохихъ софизмовъ . . . .

. . . . . .

«Въ этомъ, я полагаю, главный недостатокъ существующихъ въ нашемъ обществѣ пріемовъ образованія. И потому думаю, что для того, чтобы въ наше время образованіе было не вредно, каково оно теперь, въ основу его должны непремѣнно быть поставлены эти два самые главные и необходимые, отсутствующіе въ нашемъ образованіи, предмета: религіозное пониманіе жизни и нравственное ученіе.

«Объ этомъ самомъ предметѣ я писалъ въ составленномъ мною «Кругѣ чтенія» слѣдующее:

«Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, всегда у всѣхъ народовъ являлись учителя, составлявшіе науку о томъ, что нужнѣе всего знать человѣку. Наука эта всегда имѣла своимъ предметомъ знаніе того, въ чемъ назначеніе и потому истинное благо каждаго человѣка и всѣхъ людей.

«Эта-то наука и служитъ руководящей нитью въ опредѣленіи значенія всѣхъ другихъ знаній.

«Предметовъ наукъ безчисленное количество; и безъ знанія того, въ чемъ состоитъ назначеніе и благо всѣхъ людей, нѣтъ возможности выбора въ этомъ безконечномъ количествѣ предметовъ, и потому безъ этого знанія всѣ остальныя знанія и искусства становятся, какъ они и сдѣлались у насъ, праздной, а если праздной, то и вредной забавой».

«Единственное объясненіе той безумной жизни, противной своему сознанію, которую ведутъ люди нашего времени, заключается именно въ томъ, что молодыя поколѣнія обучаются безчисленнымъ самымъ сложнымъ, труднымъ и ненужнымъ предметамъ, не обучаются только тому, что одно нужно, тому, въ чемъ смыслъ человѣческой жизни, чѣмъ она должна быть руководима и что думали объ этомъ вопросѣ и какъ рѣшили его мудрѣйшіе люди всѣхъ временъ и всего міра.

«Скажутъ: «Нѣтъ такого общаго большинству людей религіознаго ученія и ученія нравственности». Но это неправда,— во-первыхъ, потому, что такія общія всему человѣчеству ученія всегда были и есть, и не могутъ не быть, потому что условія жизни всѣхъ людей, во всѣ времена и вездѣ одни и тѣ же; во-вторыхъ, потому, что во всѣ времена среди милліоновъ людей всегда мудрѣйшіе изъ нихъ отвѣчали людямъ на тѣ главные жизненные вопросы, которые стоятъ передъ человѣчествомъ.

«Если нѣкоторымъ людямъ нашего времени кажется, что такихъ ученій не было и нѣтъ, то происходитъ это только отъ того, что эти люди принимаютъ тѣ затемненія и извращенія, которыми во всѣхъ ученіяхъ скрыты основныя религіозныя и нравственныя истины, за самую сущность ученій. Стоитъ только людямъ серьезно отнестись къ вопросамъ жизни, и одна и та же — и религіозная и нравственная истина во всѣхъ ученіяхъ, отъ Кришны, Будды, Конфуція до Христа, Магомета и новѣйшихъ религіозныхъ мыслителей, откроется имъ.

«Только при такомъ разумномъ, религіозно-нравственномъ ученіи, поставленномъ въ основу образованія, можетъ быть и разумное и не вредное людямъ, а разумное образованіе. При отсутствіи же такой разумной основы образованія не можетъ и быть ничего другого, какъ только то, что и есть

теперь, — нагроможденіе пустыхъ, случайныхъ, ненужныхъ знаній, называемыхъ наукой, которыя не только не полезны, но приносятъ величайшій вредъ людямъ, скрывая отъ нихъ необходимость однихъ нужныхъ человѣку знаній.

«Нравится намъ это или не нравится, разумное образованіе возможно только при постановкѣ въ основу его ученія о религіи и нравственности.

«Продолжая сравненіе съ радіусами, проводимыми изъ центра, ученіе о религіи и нравственности, по отношенію ко всѣмъ другимъ знаніямъ, подобно тѣмъ тремъ взаимно перпендикулярнымъ діаметрамъ, которые опредѣляютъ направленіе и соотношеніе всѣхъ радіусовъ сферы и ту степень длины, до которой они могутъ быть доведены для того, чтобы они составляли гармоническое цѣлое — сферу.

«И потому я полагаю, что первое и главное знаніе, которое свойственно прежде всего передавать дѣтямъ и учащимся взрослымъ,—это отвѣтъ на вѣчные и неизбѣжные вопросы, возникающіе въ душѣ каждаго приходящаго къ сознанію человѣка. Первый: что я такое и какое мое отношеніе къ безконечному міру? и второй, вытекающій изъ перваго: какъ мнѣ жить, что считать всегда, при всѣхъ возможныхъ условіяхъ, хорошимъ и что всегда и при всѣхъ возможныхъ условіяхъ дурнымъ?

«Отвѣты на эти вопросы всегда были и есть въ душѣ каждаго человѣка; разъясненія же отвѣтовъ на эти вопросы не могло не быть среди милліардовъ прежде жившихъ и милліоновъ живущихъ теперь людей. И оно, дѣйствительно, есть въ ученіяхъ религіи и нравственности,—не въ религіи и ученіи нравственности какого-либо одного народа извѣстнаго мѣста и времени, а въ тѣхъ основахъ религіозныхъ и нравственныхъ ученій, которыя однѣ и тѣ же высказаны всѣми лучшими мыслителями міра отъ Моисея, Сократа, Кришны, Эпиктета, Будды, Марка Аврелія, Конфуція, Христа, Іоанна апостола, Магомета до Руссо, Канта, персидскаго Баба, индусскаго Вивекананды, Чаннинга, Эмерсона, Рёскина, Сковороды и др.

«И потому думаю, что до тѣхъ поръ, пока эти два предмета не станутъ въ основу образованія, не можетъ быть никакого разумнаго образованія.

«Что же касается дальнѣйшихъ предметовъ знанія, то думаю, что порядокъ ихъ преподаванія выясняется самъ собой при признаніи основой всякаго знанія ученія о религіи и нравственности. Весьма вѣроятно, что при такой постановкѣ дѣла первымъ послѣ религіи и нравственности предметомъ будетъ изученіе жизни людей самыхъ близкихъ: своего народа, богатыхъ, бѣдныхъ классовъ, женщинъ, дѣтей, ихъ занятій, средствъ существованія, обычаевъ, вѣрованій, міросозерцаній. Послѣ изученія жизни своего народа думаю, что при правильной постановкѣ дѣла образованія столь же важнымъ предметомъ будетъ изученіе жизни другихъ народовъ, болѣе отдаленныхъ, ихъ религіозныхъ вѣрованій, государственнаго устройства, нравовъ, обычаевъ.

«Оба эти предмета, точно такъ же какъ религіозно-нравственное ученіе, совершенно отсутствуютъ въ нашей педагогикѣ и замѣняются географіей—изученіемъ названій мѣстъ, рѣкъ, горъ, городовъ и исторіей, заключающейся въ описаніи жизни и дѣятельности правителей и преимущественно ихъ войнъ, завоеваній и освобожденій отъ нихъ.

«Думаю, что при постановкѣ въ основу образованія религіи и нравственности изученіе жизни себѣ подобныхъ, т.-е. людей, что называется этнографіей, займетъ первое мѣсто, и что точно такъ же, соотвѣтственно своей важности для разумной жизни, займутъ соотвѣтствующія мѣста зоологія, математика, физика, химія и другія знанія.

«Думаю такъ, но не берусь ничего утверждать о распредѣленіи знаній. Утверждаю же я только одно: то, что безъ признанія основнымъ и главнымъ предметомъ образованія религіи и нравственности не можетъ быть никакого разумнаго распредѣленія знаній, а потому и разумной и полезной для обучаемыхъ передачи ихъ.

«При признаніи же основой образованія религіи и нравственности и при полной свободѣ образованія всѣ остальныя знанія распредѣлятся такъ, какъ это имъ свойственно, сообразно тѣмъ условіямъ, въ которыхъ будетъ находиться то общество, въ которомъ будутъ преподаваться и восприниматься знанія.

«И потому полагаю, что главная и единственная забота людей, занятыхъ вопросами образованія, можетъ и должна

состоять прежде всего въ томъ, чтобы выработать соотвѣтственное нашему времени религіозное и нравственное ученіе и, выработавъ таковое, поставить его во главѣ образованія. Въ этомъ, по моему мнѣнію, въ наше время состоитъ первое и, пока оно не будетъ сдѣлано, единственное дѣло не только образованія, но и всей науки нашего времени, — не той, которая вычисляетъ тяжесть той звѣзды, вокругъ которой вращается солнце, или изслѣдуетъ происхожденіе организмовъ за милліоны лѣтъ до нашего времени, или описываетъ жизни королей, полководцевъ, или излагаетъ софизмы теологіи или юриспруденціи, а той одной, которая есть точно наука, потому что дѣйствительно нужна людямъ. Нужна же людямъ потому, что, наилучшимъ образомъ отвѣчая на тѣ, одни и тѣ же, вопросы, которые вездѣ и всегда ставилъ и ставитъ себѣ всякій разумный человѣкъ, вступающій въ жизнь, она содѣйствуетъ благу какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣчества.

«Вотъ все, что имѣлъ сказать. Буду радъ, если что пригодится вамъ».

Таковы послѣдніе выводы о воспитаніи, къ которымъ пришелъ Л. Н. Несомнѣнно, что здѣсь отразился тотъ глубокій религіозный кризисъ, который переживалъ онъ въ послѣдніе годы.

Но самое главное въ воспитаніи — это личный примѣръ воспитателя, его жизнь и дѣла. Ничто такъ не дѣйствуетъ на воспитываемаго, какъ реальная дѣйствительность, обстановка, среди которой живетъ онъ. «Если поймешь, — говоритъ Толстой, — что воспитывать другихъ мы можемъ только черезъ себя, то упраздняется вопросъ о воспитаніи и остается одинъ вопросъ жизни: какъ надо самому жить?.. Два правила я бы далъ для воспитанія: самому не только жить хорошо, но работать надъ собой, постоянно совершенствуясь, и ничего не скрывать изъ своей жизни отъ дѣтей. Лучше, чтобы дѣти знали про слабыя стороны своихъ родителей, чѣмъ то, чтобы они чувствовали, что есть у ихъ родителей скрытая отъ нихъ жизнь и есть показная. Всѣ трудности воспитанія вытекаютъ отъ того, что родители, не только не исправляясь отъ своихъ недостатковъ, но даже не признавая ихъ недостатками, оправдывая ихъ въ

себѣ, хотятъ не видѣть этихъ недостатковъ въ дѣтяхъ. Въ этомъ вся трудность и вся борьба съ дѣтьми. Дѣти нравственно гораздо проницательнѣе взрослыхъ, и они, часто не высказывая и даже не сознавая этого, видятъ не только недостатки родителей, но и худшій изъ всѣхъ недостатковъ — лицемѣріе родителей, и теряютъ къ нимъ уваженіе и интересъ ко всѣмъ ихъ поученіямъ. Лицемѣріе родителей при воспитаніи дѣтей есть самое обычное явленіе, и дѣти чутки, и замѣчаютъ его сейчасъ же, и отвращаются, и развращаются. *Правда* есть первое, главное условіе дѣйствительности духовнаго вліянія, и потому оно есть первое условіе воспитанія. А чтобы не страшно было показать дѣтямъ всю правду своей жизни, надо сдѣлать свою жизнь хорошей или, по крайней мѣрѣ, менѣе дурной. И потому воспитаніе другихъ включается въ воспитаніе себя, и другого ничего не нужно».

Такова заповѣдь Толстого къ родителямъ и воспитателямъ. Обращаясь къ юношеству, къ подрастающему поколѣнію, онъ горячо, со всей силой убѣдительности своего таланта призываетъ его хранить въ себѣ вѣру въ тѣ идеалы, свѣтлые, возвышенные, святые, которые бываютъ у каждаго въ моментъ перехода къ сознательной жизни, тѣ чистыя стремленія, которыя потомъ заглушаются пошлостью жизни. Призывъ къ юношеству хранить чистоту побужденій особенно ярко выраженъ у Толстого въ статьѣ «Вѣрьте себѣ». Приводимъ здѣсь эту дивную по красотѣ, сильную по глубинѣ мысли проповѣдь великаго учителя жизни.

«Вѣрьте себѣ, выходящіе изъ дѣтства юноши и дѣвушки, когда впервые поднимаются въ душѣ вашей вопросы: кто я такое, зачѣмъ живу я и всѣ окружающіе меня люди? И главный, самый волнительный вопросъ: такъ ли живу я и всѣ окружающіе меня люди? Вѣрьте себѣ и тогда, когда тѣ отвѣты, которые представляются вамъ на эти вопросы, будутъ не согласны съ тѣми, которые были внушены вамъ въ дѣтствѣ, будутъ не согласны и съ той жизнью, въ которой вы найдете себя живущими вмѣстѣ со всѣми людьми, окружающими васъ. Не бойтесь этого разногласія, а, напротивъ, знайте, что въ этомъ разногласіи вашемъ со всѣмъ окружающимъ васъ выразилось самое лучшее, что есть въ васъ, —

то божественное начало, проявленіе котораго въ жизни составляетъ не только главный, но единственный смыслъ нашего существованія. Вѣрьте тогда не себѣ, извѣстной личности—Ванѣ, Петѣ, Лизѣ, Машѣ, сыну, дочери министра или рабочаго, купца или крестьянина, а себѣ,— тому вѣчному, разумному и благому началу, которое живетъ въ каждомъ изъ насъ и которое въ первый разъ пробудилось въ васъ и задало себѣ эти важнѣйшіе въ мірѣ вопросы и ищетъ и требуетъ ихъ разрѣшенія. Не вѣрьте тогда людямъ, которые съ снисходительной улыбкой скажутъ вамъ, что и они когда-то искали отвѣтовъ на эти вопросы, но не нашли, какъ и нельзя найти иныхъ, кромѣ тѣхъ, которые приняты *всѣми*.

«Не вѣрьте этому, а вѣрьте только себѣ, и не бойтесь разойтись со взглядами и мыслями людей, окружающихъ васъ, если только отвѣты, представляющіеся вамъ, основаны не на вашихъ личныхъ желаніяхъ, а на желаніи исполнить назначеніе своей жизни, исполнить волю той силы, которая послала васъ въ жизнь. Вѣрьте себѣ, особенно когда отвѣты, представляющіеся вамъ, подтверждаются тѣми вѣчными началами мудрости людской, выраженной во всѣхъ религіозныхъ ученіяхъ и въ наиболѣе близкомъ намъ ученіи Христа, въ его высшемъ, духовномъ значеніи.

Помню, какъ я, когда мнѣ было 15 лѣтъ, переживалъ это время, какъ вдругъ я пробудился отъ дѣтской покорности чужимъ взглядамъ, въ которой жилъ до тѣхъ поръ, и въ первый разъ понялъ, что мнѣ надо жить самому, самому избирать путь, самому отвѣчать за свою жизнь передъ тѣмъ началомъ, которое дало мнѣ ее.

«Помню, что я тогда, хотя и смутно, но глубоко чувствовалъ, что главная цѣль моей жизни — это то, чтобы быть хорошимъ, хорошимъ въ смыслѣ евангельскомъ, въ смыслѣ самоотреченія и любви. Помню, что я тогда же попытался жить такъ, но это продолжалось недолго. Я не повѣрилъ себѣ, а повѣрилъ всей той внушительной, самоувѣренной, торжествующей мудрости людской, которая внушалась мнѣ сознательно и безсознательно всѣмъ окружающимъ. И мое первое побужденіе замѣнилось очень опредѣленными, хотя и разнообразными желаніями успѣха передъ людьми, быть знатнымъ, ученымъ, прославленнымъ, богатымъ, сильнымъ,

т.-е. такимъ, котораго бы не я самъ, но люди считали хорошимъ...

«Я не повѣрилъ себѣ тогда, и только послѣ многихъ десятковъ лѣтъ, потраченныхъ на достиженіе мірскихъ цѣлей, которыхъ я или не достигъ или которыхъ достигъ и увидалъ безполезность, тщету, а часто и вредъ ихъ, я понялъ, что то самое, что я зналъ 60 лѣтъ тому назадъ и чему не повѣрилъ тогда, и можетъ и должно быть единственной разумной цѣлью усилій всякаго человѣка.

«А какою иною, болѣе радостной для себя и болѣе полезной людямъ могла бы быть моя жизнь, если бы я тогда, когда голосъ истины, Бога, въ первый разъ заговорилъ въ неподвергшейся еще соблазнамъ душѣ моей, повѣрилъ бы этому голосу и отдался ему?!

«Да, милые юноши, искренно, самостоятельно, не подъ вліяніемъ внѣшняго внушенія, а самостоятельно и искренно пробудившіеся къ сознанію всей важности своей жизни, да, не вѣрьте людямъ, которые будутъ говорить вамъ, что ваши стремленія — только неисполнимыя мечты молодости, что и они также мечтали и стремились, но что жизнь скоро показала имъ, что она имѣетъ свои требованія и что надо не фантазировать о томъ, какая бы могла быть наша жизнь, а стараться наилучшимъ образомъ согласовать свои поступки съ жизнью существующаго общества и стараться только о томъ, чтобы быть полезнымъ членомъ этого общества.

«Не вѣрьте этому. Не вѣрьте тому, что полное осуществленіе добра и истины невозможно въ мірѣ. Осуществленіе добра и истины не только не возможно, но вся жизнь, и ваша, и всѣхъ людей, и міра, только въ одномъ этомъ, въ все большемъ и большемъ осуществленіи добра и истины.

«И потому вѣрьте себѣ, когда въ душѣ вашей будетъ говорить не желаніе превзойти другихъ людей, отличиться отъ другихъ, быть могущественнымъ, знаменитымъ, прославленнымъ (такія желанія часто подмѣниваютъ желанія добра), а вѣрьте себѣ, когда главное желаніе вашей души будетъ то, чтобы самому быть лучше,—я не скажу: совершенствоваться, потому что въ самосовершенствованіи есть нѣчто личное, удовлетворяющее самолюбію, а скажу: дѣлаться тѣмъ, чѣмъ хочетъ тотъ Богъ, который далъ намъ жизнь, открывать въ

себѣ вложенное въ насъ, подобное ему, начало, жить *по-Божьи*, какъ говорятъ мужики.

«Вѣрьте себѣ и живите такъ, напрягая всѣ свои силы на одно: на проявленіе въ себѣ Бога, и вы сдѣлаете все, что вы можете сдѣлать, и для своего блага и для блага всего міра.

«Ищите Царствія Божія и правды Его, а остальное приложится вамъ. Да, вѣрьте себѣ въ то великой важности время, когда въ первый разъ загорится въ вашей душѣ свѣтъ сознанія своего божественнаго происхожденія. Не тушите этотъ свѣтъ, а всѣми силами берегите его и давайте ему разгорѣться. Въ этомъ одномъ, въ разгораніи этого свѣта, единственный великій и радостный смыслъ жизни всякаго человѣка».

VII.

Такъ до послѣднихъ дней своей жизни великій учитель не переставалъ работать въ интересахъ правильнаго освѣщенія и разумной постановки дѣла образованія и воспитанія—этого жгучаго и больного вопроса нашего времени.

Попытаемся подвести итогъ сказанному.

Школа—*учрежденіе свободное;* на первомъ планѣ въ ней стоитъ *личность учащагося;* въ своихъ дѣйствіяхъ она руководится *только запросами этой личности;* школа не отрываетъ, а готовитъ своихъ питомцевъ *къ трудовой сознательной жизни;* принужденія, наказанія, поощренія, награды *не имѣютъ въ ней мѣста;* побудительнымъ стимуломъ при занятіяхъ служитъ лишь *интересъ* со стороны учащихся.

Созидателемъ и устроителемъ школы является *самъ народъ.*

Учитель *постоянно совершенствуется* и идетъ впередъ въ своей области.

Опытъ и *наблюденіе* служатъ критеріумомъ при разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ преподаванія.

Воспитатель дѣйствуетъ не словами и отвлеченными правилами морали, а *личною жизнью* и *собственными примѣрами.*

Конечная цѣль образованія и воспитанія — *достиженіе всеобщаго блага на землѣ.*

Таковы педагогическіе завѣты великаго искателя высшей правды.

Нечего говорить, какъ мы въ нашей дѣйствительности далеки отъ этихъ завѣтовъ. Мы далеки отъ нихъ такъ же, какъ и 50 лѣтъ тому назадъ, когда Толстой писалъ свои первыя педагогическія статьи.

Будемъ надѣяться, однако, что то духовное пробужденіе, которое вызвано въ насъ уходомъ изъ жизни мірового генія, не пройдетъ безслѣдно и для нашей школы. Будемъ вѣрить, что сумерки настоящаго скоро смѣнятся въ ней свѣтлымъ будущимъ, когда молодое поколѣніе будетъ готовиться къ жизни въ атмосферѣ *любви, правды* и *человѣчности*.

Къ этому зоветъ насъ Великій Толстой.

Цѣна 30 коп.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина, а также въ контору журнала „Для народнаго учителя“ (Москва, Полянка, Успенскій пер., домъ № 8, кв. 2).